ПЕРЕВОДЫ

Конрад Лоренц

ВОСЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ ЦИВИЛИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

/перевод с немецкого/

1972 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Автор этой книги, австрийский биолог Конрад Лоренц - один из немногих ученых, труды которого не только определяют пути дальнейшего развития науки, но оказывают также решающее влияние воздействие на самосознание человека. Около пятидесяти лет, с двенадцатых по семидесятые годы, Конрад Лоренц изучал поведение животных и человека. Созданные им методы позволили восстановить историю поведения: подобно Дарвину, открывшему эволюцию форм, Лоренц открыл эволюцию поведения животных. Он изложил итоги своих исследований в книге "Так называемое зло", вышедшей в 1963 году; в этой книге объясняется, каким образом сложные формы поведения и чувства высших животных и человека возникли из инстинкта внутривидовой агрессии, первоначально служившего для охраны охотничьей территории и, тем самым, для равномерного расселения вида по области его распространения. Этот основной труд Лоренца, получивший широкую известность во всем мире в английском переводе- под названием "Об агрессии", оказывает в наши дни столь же сильное влияние на общественное мнение, как в прошлом столетии "Происхождение видов".

Небольшая книга Лоренца, перевод которой предлагается читателю, посвящена проблемам современного человека и современного общества, как они представляются с биологической точки зрения. Выводы автора далеко выходят за пределы того, что подсказывает здравый смысл и исторические аналогии, и заставляют пересмотреть многие стереотипы мышления, укоренившиеся также среди ученых.

Книга рассчитана на широкий круг образованных читателей и предполагает лишь способность внимательно следить за развитием мысли, но не специальные биологические знания. Некоторые термины разъяснены в подстрочных примечаниях, принадлежащих переводчику. Автор прилагает к книге интересную библиографию. Для удобства читателей список литературы приводится в переводе.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа была написана для юбилейного сборника, выпущенного к семидесятилетию моего друга Эдуарда Баумгартена. По сути своей, собственно, она не подходит - ни к этому счастливому событию, ни к жизнерадостной натуре юбиляра. Это, по существу, иеремиада, призыв к раскаянию и обращению, брошенный всему человечеству, призыв, какого можно было бы ожидать не от естествоиспытателя, а от сурового проповедника, подобного знаменитому венскому августинцу Аврааму из Санта-Клары. Мы живем, однако, в такое время, когда некоторые опасности яснее видит естествоиспытатель. Поэтому проповедь становится его долгом.

Моя проповедь, переданная по радио, нашла неожиданный для меня отклик. Я получил бесчетное количество писем от людей, желавших иметь ее печатный текст, и, в конце концов, мои лучшие друзья категорически потребовали сделать эту работу доступной широкому кругу читателей.

Все это само по себе уже опровергало пессимизм, который можно было у меня усмотреть: человек, уверенный, что глас его вопиет в пустыне, имел перед собой, как оказалось, многочисленных и понимающих слушателей! Более того, перечитывая написанное, я замечаю много высказываний, уже тогда звучавших преувеличенно, а теперь и вовсе неверных. Так, на странице ... можно прочесть, что значение экологии недостаточно признано. Сейчас этого утверждать уже нельзя, так как наша баварская "Экологическая группа" находит, к счастью, понимание и отклик в ответственных учреждениях. Все большее число разумных и ответственных людей правильно оценивает опасности перенаселения и "идеологии роста". Повсюду принимаются меры против опустошения жизненного пространства - пока далеко не достаточные, но подающие надежду скоро стать таковыми.

Я рад, что мои высказывания нуждаются в поправке еще в одном отношении. Говоря о бихевиористской доктрине, я полагал, что она несомненно "несет изрядную долю вины в

угрожающем Соединенным Штатам моральном и культурном развале". Между тем, в самих Соединенных Штатах раздался ряд весьма энергичных протестов против этого лжеучения. С ними еще борются всеми средствами, но они слышны, а правду можно долго подавлять, лишь заглушив ее голос. Эпидемии духовных болезней нашего времени, начинаясь в Америке, достигают, обычно, Европы с некоторым опозданием. И в то время, как в Америке бихевиоризм пошел на убыль, он свирепствует сейчас среди психологов и социологов Европы. Можно предвидеть, что эпидемия [illegible] постепенно угаснет.

Наконец, я хотел бы внести небольшую поправку по поводу вражды поколений. Когда нынешние молодые люди не одержимы [illegible] политическим фанатизмом и вообще способны хоть в чем-то поверить старшим, то основные биологические истины они готовы выслушивать. И вполне возможно убедить революционно настроенную молодежь в справедливости того, о чем говорится в седьмой главе этой книги.

Было бы высокомерием полагать, что невозможно объяснить большинству других людей то, что мы хорошо знаем сами. Все написанное в этой книге понять гораздо легче, чем, например, интегральное и дифференциальное исчисление, которое должен изучать каждый старшеклассник. Любая опасность становится гораздо менее страшной, если известны ее причины. Поэтому я верю и надеюсь, что моя книга в какой-то степени послужит уменьшению угрожающих человечеству опасностей.

КОНРАД ЛОРЕНЦ

Зеевизен, 1972.

1. СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАСТРОЙСТВА ЖИВЫХ СИСТЕМ.

Этология как отрасль науки возникла тогда, когда в исследовании поведения животных и человека начали применять методы и постановки вопросов, во всех других биологических дисциплинах обязательные и сами собой разумеющиеся со времен Чарльза Дарвина. Причины такого удивительного запоздания лежат в истории изучения поведения, которой мы коснемся еще в главе об индоктринировании. Этология рассматривает поведение животных и человека как функцию системы, обязанной своим существованием и особой формой историческому ходу ее становления - истории вида. На вопрос о причине, почему определенная система обладает такими, а не другими свойствами,- правомерным ответом может быть лишь естественное объяснение этого хода развития.

В возникновении всех органических форм, наряду с процессами мутации и рекомбинации генов, важнейшую роль играет отбор. В процессе отбора вырабатывается то, что мы называем приспособлением; его настоящий познавательный процесс, посредством которого организм воспринимает содержащуюся в окружающей среде информацию, важную для его выживания, или, иными словами, знание об окружающей среде.

Возникшие в результате приспособления структуры и функции характерны для живых организмов - в неорганическом мире ничего подобного нет. Они ставят перед исследователем неизбежный вопрос, неведомый физику и химику,- вопрос: "Зачем?". Если этот вопрос задает биолог, то он не ищет телеологического смысла, а всего лишь спрашивает себя, каким образом некоторый признак служит сохранению вида. Если мы спрашиваем, зачем кошке кривые когти, и отвечаем: "Чтобы ловить мышей", то это лишь более краткая постановка вопроса, чем: "эта выработанная отбором форма когтей способствует сохранению вида".

Кто в течение долгих лет исследования снова и снова задавал себе такой вопрос в отношении самых удивительных структур и форм поведения, и кто снова и снова получал на него убедительный ответ, не может не склоняться к мнению, что сложные и даже неправдоподобные формы строения тела и поведения могли появиться лишь в результате отбора и приспособления, и никак иначе. Сомнения могут возникнуть лишь тогда, когда мы спрашиваем "зачем?" об определенных регулярно наблюдаемых способах поведения цивилизованных людей. Зачем нужны человечеству безмерный рост его численности, все убыстряющаяся, доходящая до безумия конкуренция, возрастающее, все более страшное вооружение, прогрессирующая изнеженность урбанизированного человека, и т.д.? При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что едва ли не все эти вредные явления представляют собой расстройства вполне определенных механизмов поведения, первоначально весьма ценных для сохранения вида. Иначе говоря, их следует рассматривать как патологические.

Анализ органической системы, лежащей в основе социального поведения людей,- самая трудная и самая почетная задача, которую может поставить перед собой естествознание, ибо эта система - сложнейшая на Земле. Можно подумать, что это и без того крайне трудное предприятие совершенно нереально по той причине, что на поведение людей могут разнообразными и непредсказуемыми способами накладываться, искажая его, патологические явления. К счастью, это не так. Напротив, патологическое расстройство не только не является непреодолимым препятствием при анализе органической системы, но очень часто дает ключ к ее пониманию. В истории физиологии известно немало случаев, когда исследователь вообще замечал существование некоторой важной органической системы лишь благодаря тому, что ее расстройство вызывало болезнь. Когда Э.Т.Кохер попытался лечить так называемую базедову болезнь, удаляя щитовидную железу, это сначала приводило к тетании

приступам судорог, потому что он захватывал при этом паращитовидные железы, регулирующие кальциевый обмен. Исправив эту ошибку, но делая все же слишком радикальную операцию удаления щитовидной железы, он получал комплекс симптомов, названный им KACHEXIA thyreopriva , в некоторых отношениях сходный с микседемой, формой идиотии, часто встречающейся в альпийских долинах с их бедными йодом источниками. Из этого открытия и ему подобных стало ясно, что железы внутренней секреции образуют единую систему, в которой буквально все со всем соединено причинными взаимодействиями. Каждый из выделяющихся в кровь секретов эндокринных желез производит вполне определенное воздействие на организм в целом, которое может относиться к обмену веществ, процессам роста, поведению и т.д. Они называются поэтому гормонами /от греческого hormao - привожу в движение, возбуждаю/. Действия двух гормонов могут быть противоположны друг другу, и в этом случае они "антагонистичны", точно так же, как в случае двух мускулов, взаимодействие которых вызывает и поддерживает требуемое положение сустава. Пока сохраняется гормональное равновесие, ничто не показывает, что система эндокринных желез состоит из отдельных частей, выполняющих свои особые функции. Стоит, однако, произойти малейшему нарушению в этой гармонии действий и противодействий, как общее состояние организма отклоняется от требуемого "планового значения", то есть наступает болезнь. Избыток гормона щитовидной железы вызывает базедову болезнь, недостаток - микседему.

Система эндокринных желез и история ее исследования доставляет нам ценные указания, как следует поступать, если мы пытаемся понять систему человеческих стимулов. Разумеется, эта система устроена гораздо сложнее, хотя бы уже потому, что включает в себя систему эндокринных желез в качестве подсистемы. Без сомнения, у человека число независимых стимулов чрезвычайно велико, и очень многие из них могут быть сведены к филогенетически во-

зинкими программами поведения - "инстинктами". Прежде я называл человека "существом с редуцированными инстинктами", но это описание ошибочно. Справедливо, правда, - как убедительно показал на хищника из семейства кошачьих П.Лейхаузен - что длинные, замкнутые в себе цепи унаследованных способов поведения могут "разрываться" в ходе филогенетического развития способности к обучению и пониманию - в том смысле, что утрачивают облигатные [x] связи между частями этих цепей, так что каждая из них может быть независимо использована действующим субъектом. Однако, одновременно, как установил тот же Лейхаузен, каждая из этих доступных для использования частей превращается в автономный стимул, причем возникает отвечающее этому стимулу аппетентное [xx] поведение, направленное к его проявлению. У человека, несомненно, отсутствуют длинные цепи облигатно связанных друг с другом инстинктивных движений, но, насколько мы вправе экстраполировать на него результаты, полученные на высокоразвитых млекопитающих, можно предполагать, что подлинно инстинктивных стимулов у него имеется не меньше, а больше, чем у любого другого животного. Во всяком случае, при попытке системного анализа мы должны считаться с этой возможностью.

Это особенно важно при оценке явно патологического поведения. Безвременно скончавшийся психиатр Рональд Харгриве писал мне в одном из своих последних писем, что он взял за правило, пытаясь понять сущность того или иного душевного расстройства, каждый раз задавать себе одновременно <u>два</u> вопроса. Во-первых, в чем состоит нормальное, способствующее сохранению вида действие расстроенной в данном случае системы; во-вторых, какого рода это расстройство, в частности, вызвано ли оно по-

---

x) Обязательные в процессе функционирования системы.

xx) От лат. APPETENS домогающийся, добивающийся, жадный, падкий.

вышенной или пониженной функцией какой-либо подсистемы. Подсистемы сложного органического целого находятся в столь тесном взаимодействии, что часто трудно разграничить имп их функции, ни одна из которых в своем нормальном виде не мыслима без всех остальных. Не всегда удается отчетливо определить структуру, которую они составляют. В этом смысле и говорит о подчиненных системах Поуп Вейс в своей остроумной работе "Расслоенный детерминизм": "Система- это все достаточно цельное, чтобы заслуживать отдельного названия".

Есть очень много человеческих стимулов, достаточно цельных, чтобы найти себе название в повседневном языке. Такие слова, как ненависть, любовь, дружба, гнев, верность, преданность, недоверие, доверие и т.д., все означают состояния, соответствующие готовности ко вполне определенным способам поведения, точно так же, как и принятые в научном исследовании поведения термины: агрессивность, ранговый порядок, территориальность и т.д., вместе со всеми сложными выражениями, содержащими слово "установка": установка на выведение потомства, на ухаживание, полет и т.д. Наш естественно возникший язык выражает глубокие психологические связи с чуткостью, столь же заслуживающей доверия, как интуиция ученого, наблюдающего животных, и мы можем принять - пока в виде рабочей гипотезы,- что каждому из этих слов, обозначающих душевные состояния и установки человека, соответствует реальная стимулирующая система; для начала неважно, в какой мере тот или иной стимул черпает свою силу из филогенетических или культурных источников. Мы можем допустить, что каждый из этих стимулов является звеном упорядоченной, гармонически работающей системы и в этом качестве необходим. Вопрос, "хороши" или "плохи" ненависть, любовь, верность, недоверие и т.д., задается без всякого понимания системного функционирования этого целого и так же нелеп, как если бы кто-нибудь спросил, хороша или плоха

щитовидная железа. Ходячее представление, что явления этого рода можно разделить на хорошие или плохие, что любовь, верность и доверие сами по себе хороши, а ненависть и недоверие сами по себе плохи, происходит лишь оттого, что в нашем обществе первых, вообще говоря, недостает, а вторые имеются в избытке. Чрезмерная любовь портит бесчисленное множество подающих надежды детей, "верность Нибелунгов", превращенная в абсолютную самодавлеющую ценность, приводит к адским последствиям, и неопровержимые аргументы, приведенные недавно Эриком Эриксоном, показывают, насколько необходимо недоверие.

Структурным свойством всех высоко интегрированных органических систем является управление с помощью так называемых циклов регулирования, или гомеостазов. Чтобы понять их действие, представим себе сначала ряд, состоящий из некоторого числа систем, каждая из которых усиливает действие другой, а именно, система A усиливает действие B, B усиливает действие C и т.д., наконец, система X, в свою очередь, усиливает действие A. Такой цикл с "положительной обратной связью" может находиться, в лучшем случае, в состоянии неустойчивого равновесия: малейшее усиление действия одной из систем неизбежно вызывает лавинообразное нарастание функций всего ряда в целом, и обратно, малейшее ослабление вызывает угасание всякой активности. Как давно известно в технике, такую неустойчивую систему можно превратить в устойчивую, введя в циклический процесс единственное звено, воздействие которого на следующее звено цепи тем слабее, чем сильнее влияет на него предыдущее. Таким образом возникает цикл регулирования гомеостаз, или, как его часто называют на плохом немецком языке, "отрицательный Feedback" x). Это один из немногих процессов, изобретенных техниками прежде, чем они были открыты естествознанием в мире живых организмов.

В живой природе существует бесчисленное множество

---

x) обратная связь /англ/

циклов регулирования. Они столь необходимы для сохранения жизни, что самое ее возникновение едва ли можно себе представить без одновременного "изобретения" цикла регулирования. Циклы с положительной обратной связью в природе практически не встречаются; их можно увидеть разве что в таких быстро нарастающих и столь же быстро угасающих явлениях, как лавина или степной пожар. На них похожи так же многие патологические расстройства общественной жизни людей, при виде которых приходят иногда на ум слова Фридриха Миллера из "Колокола": "Беда, когда с цепи сорвутся!"

Благодаря отрицательной обратной связи в циклах регулирования, нет необходимости в том, чтобы действие каждой участвующей в них подсистемы было установлено на строго определенное значение. Небольшое отклонение функций в ту или иную сторону легко выравнивается. Опасное расстройство всей системы может произойти лишь в случае, когда величина отдельной функции возрастает или уменьшается настолько, что гомеостаз не в состоянии ее выровнять, или когда сам управляющий механизм не в порядке. В дальнейшем мы познакомимся с примерами того и другого.

II. ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

В отдельном организме едва ли можно найти хоть один цикл с положительной обратной связью. И только жизнь в целом может предаваться этой крайности - до сих пор, как будто, безнаказанно. Органическая жизнь встроилась, как какое-то странное водохранилище, в поток рассеивающейся энергии вселенной, она "поедает" отрицательную энтропию, захватывает энергию и растет за ее счет, а этот рост дает ей возможность захватывать все больше и больше энергии, и тем быстрее, чем больше она уже захватила. Если это не привело еще к чрезмерному разрастанию и катастрофе, то лишь потому, что безжалостные силы неорганической природы, законы вероятности удерживают размножение живых организмов в некоторых пределах, а также потому, что внутри видов выработались циклы регулирования. Как они действуют, мы увидим в следующей главе, где говорится об опустошении жизненного пространства Земли. Но в первую очередь надо обсудить безграничное возрастание числа людей, хотя бы потому, что очень многие явления, рассматриваемые в дальнейшем, из него вытекают.

Все блага, которые доставляет человеку глубокое познание окружающей природы, прогресс техники, химические и медицинские науки, все, что предназначено, казалось бы, облегчать человеческие страдания,- все это ужасным и парадоксальным образом способствует гибели человечества. Ему угрожает то, что почти никогда не случается с другими живыми системами,- опасность задохнуться в самом себе. Самое страшное, однако, что в этом апокалиптическом процессе высочайшие и благороднейшие свойства и способности человека- именно те, которые мы по праву ощущаем и ценим как исключительно человеческие - по-видимому, обречены на гибель прежде всего.

Все мы, живущие в густонаселенных культурных странах и, тем более, в больших городах, уже не сознаем,

насколько не хватает нам обыкновенной, теплой и сердечной человеческой любви. Нужно побывать в действительно безлюдном краю, где соседей разделяет много километров плохих дорог, и зайти незванным гостем в какой-нибудь дом, чтобы оценить, насколько гостеприимен и человеколюбив человек, когда его способность к социальным контактам не подвергается длительной перегрузке. Одно незабываемое переживание довело это до моего сознания.. У меня в гостях была одна американская супружеская пара из Висконсина. Это были профессиональные защитники природы, жившие в полном одиночестве в лесу. Когда мы собрались ужинать, раздался звонок, и я воскликнул: "Кого это еще там принесло!" Я не мог бы сильнее шокировать моих гостей, если бы совершил самую ужасную непристойность. Что кто-то может реагировать на нежданный звонок в дверь иначе, чем радостью,- это было для них скандалом. Без сомнения, скученность людских масс в современных больших городах несет большую долю вины за то, что в этой фантасмагории вечно меняющихся, накладывающих друг на друга и стирающихся человеческих образов мы не можем больше разглядеть лик нашего ближнего. Из-за массы этих ближних, притом слишком близких, наша любовь к ближнему настолько истончается, что в конце концов от нее не остается и следа. Кто хочет вообще сохранить сердечные и теплые отношения к людям, должен сосредоточить их на небольшом числе друзей; как бы ни было правильно и этично требование любить всех людей, мы так устроены, что не можем его исполнить. Нам приходится поэтому делать выбор и, тем самым, в эмоциональном отношении "держать на расстоянии" множество других людей, быть может, не менее достойных нашей дружбы. Зачастую одна из главных забот жителя города- "Not to get emotionally involved". x/ В этом неизбежном для всех нас образе действий чувствуется губительное дыхание бесчеловечности; он напоминает амери-

---

x) Эмоционально не вязаться /англ/.

ненских плантаторов старого времени, вполне человечно обращавшихся со своей негритянской "дворней", но рассматривавших рабов на плантациях в лучшем случае как ценный домашний скот. Если это намеренное отгораживание от человеческого общения заходит достаточно далеко, то в сочетании с обсуждаемым дальше притуплением чувств оно ведет к тем чудовищным проявлениям равнодушия, о которых мы каждый день читаем в газетах. Чем больше скопление людей, тем настоятельнее для каждого необходимость "Not to get emotionally involved ", и вот именно в самых больших городах грабежи, убийства и насилия могут происходить теперь среди бела дня на самых оживленных улицах, не вызывая вмешательства "прохожих".

Дело не ограничивается тем, что скученность людей в тесном пространстве ведет к бесчеловечности косвенным образом- вследствие истощения и распада отношений между людьми; скученность самым непосредственным образом вызывает агрессивное поведение. Кто не был в лагере для военнопленных или другом принудительном сборище людей, едва ли может себе представить, насколько возрастает в таких условиях раздражимость от малейшего пустяка. А если пытаешься держать себя в узде и вежливо, то есть дружелюбно обращаться с недружественно настроенными собратьями по виду, с которыми приходится ежедневно и ежечасно сталкиваться,- состояние это становится просто мучительным. Общее недружелюбие, наблюдаемое во всех больших городах, явно возрастает в определенных местах пропорционально плотности скопления людей. Например, на больших вокзалах или на автобусных остановках в Нью-Йорке оно достигает устрашающей степени.

Косвенным образом перенаселение способствует всем расстройствам и явлениям распада, о которых будет речь в следующих главах. Некоторые полагают, что с помощью надлежащего "кондиционирования" можно вывести новую породу людей, нечувствительных к дурным последствиям сколь угодно тесной скученности. Я считаю такой взгляд опасным заблуждением.

III. ОПУСТОШЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Широко распространено заблуждение, будто "природа" неисчерпаема. Каждый вид животных, растений и грибов – поскольку великий механизм природы состоит из всех трех категорий живых организмов– приспособлен к своему окружению, а к этому окружению относятся, само собой разумеется, не только составляющие данной местности, но и все другие населяющие ее живые существа. Итак, все организмы данного жизненного пространства приспособлены друг к другу. Это относится и к тем из них, которые на первый взгляд друг другу враждебны, как, например, хищник и его добыча, пожирающий и пожираемый. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что эти организмы, рассматриваемые как виды, а не как индивиды, не только не вредят друг другу, но часто даже объединены общностью интересов. Совершенно ясно, что пожиратель жизненно заинтересован в дальнейшем существовании вида, служащего ему добычей, будь то животное или растение. Чем больше он специализирован в своем питании на единственном виде, тем настоятельнее этот интерес. В таких случаях хищник никогда не может полностью истребить свою добычу: последняя пара хищников умерла бы с голоду задолго до того, как им попалась бы последняя пара вида, служащего им добычей. Когда плотность популяции добычи опускается ниже известного уровня, хищник гибнет,– как это произошло, к счастью, с большей частью китобойных предприятий. Когда динго, первоначально бывший домашней собакой, попал в Австралию и там одичал, он не истребил ни одного из видов, которыми питался, но зато погубил обеих крупных сумчатых хищников, сумчатого волка, Thylaeinus , и сумчатого дьявола, Sarcophilus . Эти сумчатые, наделенные поистине страшными зубами, намного превзошли бы динго в прямой схватке; но с их примитивным мозгом они нуждались в гораздо большей плотности добычи, чем более умная дикая собака. Динго не загрыз их насмерть, а уморил голодом в конкурентной борьбе.

Редко случается, чтобы размножение животного прямо зависело от количества наличной еды. Это было бы невыгодно как добытчику, так и добыче. Рыбак, живущий за счет некоторого водоема, поступает разумно, если вылавливает рыбу лишь настолько, чтобы оставшаяся популяция могла размножаться до максимума, восполняющего улов. Каково оптимальное значение улова, можно установить лишь весьма сложным минимаксным расчетом. Если ловить слишком мало, озеро окажется перенаселенным и прирост молоди сократится. Если ловить слишком много, останется недостаточно производителей, чтобы снова довести популяцию до численности, какая могла бы прокормиться и вырасти в водоеме. Как показал В.К.Уинн-Эдвардс, подобной экономической деятельностью занимаются многие виды животных. Наряду с разграничением территорий, препятствующим слишком тесному соседству, есть и ряд других способов поведения, препятствующих чрезмерной эксплуатации ресурсов.

Нередко случается, что пожирающий вид приносит пожираемому явную пользу. Дело не только в том, что потребитель регулирует прирост животных и растений, служащих ему пищей, так что выпадение этого фактора нарушило бы жизненное равновесие. Популяционные катастрофы, наблюдаемые у быстро размножающихся грызунов сразу же после того, как плотность населения становится максимальной, заведомо опаснее для сохранения вида, чем поддержание выверенного среднего числа хищниками, "снимающими" избыток. Очень часто симбиоз между пожираемым и пожирателем заходит гораздо дальше. Многие виды трав "сконструированы" в "расчете" на то, чтобы их укорачивали и топтали крупные копытные; этому приходится подражать при уходе за газонами постоянно выкашивая и прикатывая их. Когда эти факторы выпадают, травы с такими свойствами сразу же вытесняются другими, не выдерживающими подобного обращения, но более жизнеспособными в чем-нибудь другом. Короче говоря, два вида живых организмов могут находиться в отношениях зависимости, очень похожих на взаимоотношение человека с его домашними животными и культурными растения-

ми. Поэтому и закономерности таких взаимодействий напоминают часто экономию человека; изучающая их биологическая дисциплина называется экологией, так что самый термин подчеркивает указанное сходство. Впрочем, одно из экономических понятий, которым мы еще займемся дальше, в экологии животных и растений не встречается: это понятие хищнической эксплуатации.

Взаимодействие в системе из многих видов животных, растений и грибов, совместно заселяющих некоторое жизненное пространство и образующих жизненное сообщество, или биоценоз, невероятно многообразны и сложны. Приспособление различных видов живых организмов в течение промежутков времени, сравнимых не с историей человечества, а с геологическими периодами, привело к состояниям равновесия, столь же достойным изумления, сколь и легко уязвимым. Множество процессов регулирования сохраняет эти равновесные состояния от неизбежных нарушений, например, от погоды. Равновесию жизненного пространства не угрожают такие медленные изменения, какие производит эволюция видов или меняющийся климат. Однако, внезапные воздействия, сколь бы они ни были незначительны с виду, могут вызвать неожиданно большие, даже катастрофические последствия. Завоз какого-нибудь совершенно безобидного с виду животного может буквально превратить в пустыню обширные области страны - как это случилось с кроликом в Австралии. В этом случае равновесие биотопа [x] было нарушено вмешательством человека. В принципе подобные явления мыслимы и без его участия, хотя и реже.

Экологическая среда человека меняется во много раз быстрее, чем у всех других живых существ. Темп этого изменения обусловлен развитием техники, ускоряющимся в геометрической прогрессии. Поэтому человек не может не вызывать глубоких изменений и - слишком часто- полного разрушения биоценозов, в которых и за счет которых он

---

x) Место, занятое биоценозом

живет. Исключение составляют лишь очень немногие "дикие" племена, например, некоторые индейцы девственных лесов Южной Америки, живущие собирательством и охотой, или обитатели некоторых океанических островов, немного занимающихся земледелием, а в основном питающиеся кокосовыми орехами и дарами моря. Такие культуры влияют на свой биотип не более, чем популяции какого-нибудь вида животных. Это один теоретически возможный способ жизни человека в равновесии со своим биотипом; другой же состоит в том, что человек, как земледелец и скотовод, создает новый, полностью приспособленный к его потребностям биоценоз, который в принципе может существовать так же долго, как и возникший без его участия. Так обстоит дело во многих старых земледельческих культурах, где люди живут в течение многих поколений на одной и той же земле, любят ее и возвращают ей то, что от нее получают, пользуясь своими основательными, почерпнутыми из практики экологическими знаниями.

Крестьянин знает то, о чем все цивилизованное человечество, по-видимому, забыло: он знает, что жизненные ресурсы всей нашей планеты не неисчерпаемы. После того, как в Америке обширные местности были превращены в пустыни эрозией почвы, возникшей из-за хищнической эксплуатации земли, после того как целые области закарстовались вследствии вырубки леса и вымерло множество видов полезных животных, эти факты постепенно начали вновь осознаваться и прежде всего потому, что крупные сельскохозяйственные, рыболовные и китобойные предприятия начали болезненно ощущать их коммерческие последствия. Однако, и до сих пор это не проникло в сознание общественности!

Нынешняя спешка, о которой будет речь в следующей главе, не оставляет людям времени попытать и попробовать, прежде чем приступать к действию. И они еще гордятся этим своим неведением, называя себя "doers", "делателями", тогда как в действительности они злодеи, "злодеятели" по отношению к природе и самим себе. Злодеяния со-

вершается теперь повсюду, где применяются химические средства, например, при истреблении насекомых в земледелии и плодоводстве, и почти столь же близоруко - в фармакопее. Иммунологи выдвигают серьезные возражения против общеупотребительных медикаментов. Психология "Получить сейчас же!", к которой я вернусь еще в четвертой главе, делает некоторые отрасли химической промышленности преступно легкомысленными, побуждая их распространять средства, длительное действие которых вообще невозможно предвидеть. Во всем, что касается экологического будущего земледелия, а также требований медицины, господствует прямо невероятная бездумность. Тех, кто предостерегает от безработного применения ядов, подлейшим образом дискредитируют и затыкают им рот.

Цивилизованное человечество готовит себе экологическую катастрофу, слепо и варварски опустошая окружающую и кормящую его живую природу. Когда оно почувствует экономические последствия, оно, возможно, осознает свои ошибки, но весьма вероятно, что тогда уже будет поздно. И меньше всего человечество замечает, какой ущерб наносит этот варварский процесс его душе. Всеобщее и быстро распространяющееся отчуждение от живой природы в значительной мере повинно в эстетическом и этическом очерствении цивилизованного человека. Откуда возьмется у подрастающего человека благоговение перед чем бы то ни было, если все, что он видит вокруг себя, является делом рук человеческих, и притом весьма убогим и безобразным? Горожанин не может даже взглянуть на звездное небо, закрытое многоэтажными домами и химическим загрязнением атмосферы. Неудивительно, что распространение цивилизации сопровождается столь прискорбным вырождением города и деревни. Достаточно сравнить простым глазом старый центр любого немецкого города с его современной окраиной, или эту позорную для культуры окраину, быстро врезающуюся в окружающую землю, с еще не захваченными ею местами. Сравните затем гистологическую картину любой здоровой ткани с кар-

тиной злокачественной опухоли: вы обнаружите поразительные аналогии!

Если это впечатление выразить объективно и перевести с языка эстетики на язык науки, то в основе этих различий лежит потеря информации.

Клетка злокачественной опухоли отличается от нормальной прежде всего тем, что она лишена генетической информации, необходимой для того, чтобы быть полезным членом сообщества клеток организма. Она ведет себя поэтому как одноклеточное животное или, точнее, как молодая эмбриональная клетка. Она не обладает никакой специальной структурой и размножается безудержно и нагло, так что опухолевая ткань, проникая в соседние, еще здоровые ткани, врастает в них и разрушает их. Бросающиеся в глаза аналогии между картинами опухоли и городской окраины основаны на том, что в обоих случаях здоровые пространства застраивались по многочисленным, очень различным, но дифференцированным и дополняющим друг друга планам, мудрая уравновешенность которых достигалась благодаря информации, накопившейся в процессе длительного исторического развития, между тем как пространства, опустошенные опухолью или современной техникой, заполнены немногими, крайне упрощенными конструкциями. Гистологическая картина совершенно однородной, структурно бедной опухолевой ткани до ужаса напоминает аэрофотографию современного городского предместья с его унифицированными домами, которые без долгих раздумий, в спешке конкуренции проектируют культурно нищие архитекторы. Бег человечества наперегонки с самим собой, описываемый в следующей главе, оказывает губительное воздействие на строительство жилищ. Не только коммерческие соображения, заставляющие применять более дешевые в массовом изготовлении стандартные блоки, но и все нивелирующая мода, приводят к тому, что во всех пригородах всех цивилизованных стран возникают сотни тысяч массовых жилищ, различимых друг от друга лишь номером и не заслуживающих имени "домов", так как

в лучшем случае - это нагромождения стойл для человеческого скота, если дозволено ввести такой термин по аналогии с "домашним скотом".

Клеточное содержание кур-леггорнов справедливо считается мучительством животных и позором нашей культуры. Однако, содержание в таких же условиях людей находят вполне допустимым, хотя именно человек менее всего способен выносить такое обращение, в подлинном смысле унижающее человеческое достоинство. Самоуважение нормального человека побуждает его утверждать свою индивидуальность, и это его бесспорное право. Филогенез сконструировал человека таким образом, что он не способен быть, подобно муравью или термиту, анонимным и легко заменимым элементом среди миллионов точно таких же. Достаточно внимательно посмотреть на какой-нибудь поселок огородников-любителей, чтобы увидеть, какие формы принимает там стремление людей выразить свою индивидуальность. Обитатели стойл человеческого скота остается единственный способ сохранить самоуважение: им приходится вытеснить из сознания самый факт существования многочисленных товарищей по несчастью и прочно отгородиться от своего ближнего. Во многих массовых жилищах балконы разделены стенками, чтобы нельзя было увидеть соседа. Человек не может и не хочет вступать с ним в общение "через забор", потому что страшится увидеть в его лице свой собственный отчаявшийся образ. Это еще одна причина, один путь, по которому скопление людских масс ведет к изоляции и безучастности к ближнему.

Эстетическое и этическое чувство теснейшим образом связаны друг с другом, и, разумеется, у людей, вынужденных жить в только что описанных условиях, атрофируется и то, и другое. Для духовного и душевного здоровья человека необходимы красота природы и красота созданной человеком культурной среды. Всеобщая душевная слепота к прекрасному, так быстро захватывающая нынешний мир, представляет собой психическую болезнь, и ее следует принимать

вскрыв уже потому, что она сопровождается нечувствительностью к этическому уродству.

Когда принимается решение построить улицу, электростанцию или завод, что может навсегда разрушить красоту обширного ландшафта, то эстетические соображения вообще не играют роли для тех, от кого это зависит. Начиная с председателя общинного совета маленькой деревни и кончая министром экономики большого государства, все они вполне согласны между собой в том, что ради красоты природы нельзя идти на экономические и тем более политические жертвы. Немногие защитники природы и ученые, ясно видящие надвигающееся бедствие, совершенно бессильны. Какие-нибудь принадлежащие общине участки на опушке леса /горного/ повысятся в цене, если к ним подвести дорогу, и вот чарующий ручеек, вьющийся по деревне, заключают в трубу, отводят под землю - и чудесная деревенская улица превращается в омерзительное пригородное шоссе.

1У. БЕГ НАПЕРЕГОНКИ С САМИМ СОБОЙ

Как я уже разъяснил в начале первой главы, для поддержания равновесия /steady state / живых систем необходимы циклы регулирования, или отрицательные обратные связи; что касается циклов с положительной обратной связью, то они всегда несут с собой опасность лавинообразного нарастания любого отклонения от равновесия. Специальный случай положительной обратной связи встречается, когда индивиды одного и того же вида вступают между собой в соревнование, влияющее на развитие вида посредством отбора. Этот внутривидовой отбор действует совсем иначе, чем отбор, происходящий от факторов окружающей среды; вызываемые им изменения наследственного материала не только не повышают перспектив выживания соответствующего вида, но и в большинстве случаев заметно их снижают.

Последствия внутривидового отбора можно проиллюстрировать на примере маховых перьев самца- фазана-аргуса, приведенный еще Оскаром Гейнротом. Во время тока эти перья развертываются и обращаются в сторону самки подобно хвосту павлина, где такую же роль играют верхние кроющие перья. Выбор партнера, как это достаточно установлено в случае павлина, зависит исключительно от самки; по-видимому, так же обстоит дело у аргуса, так что перспективы петуха иметь потомство находятся в прямом отношении к привлекательному действию его органа ухаживания на кур. Однако, в то время как хвост павлина в полете складывается и вряд ли мешает ему, принимая более или менее обтекаемую форму, удлинение маховых перьев у самца аргуса делает его почти неспособным летать. И если он не разучился летать совсем, то, конечно, благодаря отбору в противоположном направлении, осуществляемому наземными хищниками, которые берут на себя, таким образом, необходимую регулирующую роль.

Мой учитель Оскар Гейнрот говаривал в своей грубова-

той манере: "После маховых перьев фазана-аргуса темп работы современного человечества - глупейший продукт внутривидового отбора." В то время это высказывание было явно пророческим, но в наши дни оно звучит как разительное преуменьшение, классическое "understatement". У аргуса, как и у многих животных с аналогичными образованиями, воздействия внешней среды не дают виду развиваться в направлении все большего уродства и, в конечном счете, прийти к катастрофе. Эти благотворные регулирующие силы не действуют в культурном развитии человечества: оно сумело, на горе себе, подчинить своей власти всю окружающую среду, но знает о себе так мало, что стало беспомощной жертвой дьявольских сил внутривидового отбора.

"Homo homini lupus" x/ - человек человеку хищник- это тоже "understatement", как и знаменитое изречение Гейнрота. Человек, ставший единственным фактором отбора, определяющим дальнейшее развитие своего вида, увы, далеко не так безобиден, как хищник, даже самый опасный. Соревнование человека с человеком действует, как ни один биологический фактор до него, против "предвечной силы благотворной", и разрушает едва ли не все созданные ею ценности холодным дьявольским кулаком, которым управляют чуждые ценностям коммерческие расчеты. xx/

Под давлением соревнования между людьми забыто все, что хорошо и полезно для человечества в целом и даже для отдельного человека. Подавляющее большинство ныне живущих людей воспринимает как ценность лишь то, что лучше помогает им в безжалостной конкурентной борьбе перегнать своих собратьев. Любое пригодное для этого средство

---

x/ "Человек человеку волк". Автор переводит эту латинскую пословицу с намеренным изменением

xx/ Ссылка на слова Фауста Мефистофеля /букв.перевод/:
"Итак, ты противопоставляешь вечно деятельно
Благотворно созидающей силе
Холодный дьявольский кулак,
Сжимающийся в тщетной злобе."

обманчивым образом представляется ценностью само по себе. Гибельное заблуждение утилитаризма можно определить как смешение средства с целью. Деньги в своем первоначальном значении были средством, это знает еще повседневный язык, и до сих пор говорят: "У него ведь есть средства". Много ли, однако, осталось в наши дни людей, вообще способных понять вас, если вы попытаетесь им объяснить, что деньги сами по себе не имеют никакой цены? Точно так же обстоит дело со временем: для того, кто считает деньги абсолютной ценностью, изречение "time is money" x/ означает, что и каждая секунда сбереженного времени представляет такую же ценность. Если можно построить самолет, способный перелететь Атлантический океан немного быстрее предыдущих, то никто не спрашивает, какую цену за это придется уплатить в виде удлинения посадочных площадок, увеличения скорости посадки и взлета, возрастания опасности, усиления шума и т.д. Выигрыш в полчаса оказывается в глазах всего света самостоятельной ценностью, ради которой никакая жертва не может быть слишком велика. Каждый автомобильный завод должен заботиться о том, чтобы новый тип машины имел несколько большую скорость, и вот приходится расширять улицы, закруглять все повороты, как будто для большей безопасности, а в действительности лишь для того, чтобы можно было ездить еще намного быстрее- и поэтому с большей опасностью.

Возникает вопрос, что больше вредит душе современного человека- ослепляющая жажда денег или изматывающая спешка? Во всяком случае, властьимущие всех политических направлений заинтересованы в той и другой, доводя до гипертрофии мотивы, толкающие людей к соревнованию. Насколько мне известно, эти мотивы еще не изучались с позиции глубинной психологии, но я считаю весьма вероятным, что наряду с жаждой обладания и более высокого популяционного ранга, или вслед за ним этими стимулами, важнейшую

---

x/ "Время - деньги" /англ./

роль здесь играет страх - страх отстать в беге наперегонки, страх разориться и обеднеть, страх принять неверное решение и не справиться с изнуряющей ситуацией. Страх во всех видах является, безусловно, важнейшим фактором, подрывающим здоровье современного человека, причиняющим ему повышенное артериальное давление, сморщивание почек, ранние инфаркты и другие столь же прекрасные переживания. Человек спешит, конечно, не из алчности, никакая приманка не могла бы его побудить столь энергично вредить самому себе; спешит он потому, что его что-то подгоняет -а подгонять его может только страх.

Испуганная спешка и поспешный страх в значительной мере повинны в потере человеком своих важнейших качеств. Одно из них - размышление. Как я уже говорил в моей работе "Innate Bases of Learning" x/, весьма вероятно, что в загадочном процессе становления человека решающую роль сыграл тот момент, когда существо, любознательно исследовавшее окружающий мир, увидело вдруг в поле своего исследования самого себя. Конечно, это открытие собственной личности нельзя еще сопоставить с тем изумлением при виде само собой разумеющегося, которое было рождением философии. Но уже тот факт, что, например, ощупывающая и хватающая рука, наряду с предметами, которые она ощупывает и хватает, стала сама восприниматься как предмет внешнего мира, должен был создать новую связь, последствия которой означали новую эпоху. Существо, еще не знавшее о собственном существовании, никоим образом не могло развить отвлеченное мышление, словесный язык, совесть и ответственную мораль. Существо, перестающее размышлять, подвергается опасности потерять все эти свойства и способности, специфические для человека.

Одно из наихудших последствий спешки, или может быть непосредственно стоящего за спешкой страха - это очевидная неспособность современного человека хотя бы ненадолго остаться наедине с самим собой. С пугливой старательностью

---

x/ "Врожденные основы обучения" /англ./

люди избегают всякой возможности подумать о себе, как будто боятся, что размышление откроет им какой-то ужасный автопортрет, подобный описанному Оскаром Уайлдом в его классическом романе ужасов "Портрет Дориана Грея". Лихорадочную страсть к шуму, парадоксальную при обычной для современных людей неврастении, можно объяснить только тем что им надо что-то заглушить. Однажды во время прогулки в лесу мы с женой услышали быстро приближающийся визг транзисторного приемника, прикрепленного к багажнику одинокого велосипедиста, паренька лет шестнадцати. "Он боится услышать, как поют птицы!" - сказала жена. По-моему, он боится хотя бы на мгновение встретиться с самим собой. Почему некоторые люди, в остальном весьма разборчивые интеллектуально, предпочитают собственному обществу безмозглые рекламные передачи телевидения? Несомненно, только потому, что это помогает им вытеснить размышление.

Итак, люди страдают от нервных и психических напряжений, которые им навязывает бег наперегонки со своими собратьями. И хотя их дрессируют с самого раннего детства, приучая видеть прогресс во всех безумных уродствах соревнования, как раз самые прогрессивные из них яснее всех выдают взглядом подгоняющий их страх, и как раз самые деловые, старательнее всех "идущие в ногу со временем", особенно рано умирают от инфаркта.

Если даже сделать неоправдано оптимистическое допущение, что перенаселение Земли не будет дальше возрастать с нынешней угрожающей быстротой, то, надо полагать, экономический бег человечества наперегонки с самим собой и без того достаточен, чтобы его погубить. Каждый циклический процесс с положительной обратной связью рано или поздно ведет к катастрофе, а между тем, в описываемом здесь ходе событий содержится целый ряд таких процессов. Кроме коммерческого, внутривидового отбора на все ускоряющийся темп работы, здесь действует и другой опасный циклический процесс- описанный в нескольких книгах Вен-

Паккардом,- процесс, ведущий к постоянному возрастанию человеческих потребностей. Вполне понятно, что каждый производитель всячески стремится повысить потребность покупателей в своем товаре. Ряд "научных" институтов только и занимается вопросом, какими средствами можно лучше достигнуть этой негодной цели. Методы, выработанные в результате изучения общественного мнения и рекламной техники, применяются к потребителям, которые в большинстве своем оказываются достаточно глупыми, чтобы попасться на приманку; почему это происходит объясняется прежде всего явлениями, описанными в главах первой и седьмой. Никто не возмущается, например, если вместе с каждым тюбиком зубной пасты или бритвенным лезвием приходится покупать рекламную упаковку, стоящую нередко столько же или даже больше, чем товар.

Дьявольский круг, в котором сцеплены друг с другом непрерывно нарастающие производство и потребление, вызывают явления роскоши, а это рано или поздно приведет к пагубным последствиям все западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты; в самом деле, население их не выдержит конкуренции с менее изнеженным и более здоровым населением стран Востока. Поэтому капиталистические господа поступают крайне близоруко, продолжая придерживаться привычного образа действий, то есть вознаграждая потребителя повышением "уровня жизни" за "кондиционирование" его для дальнейшего, повышающего кровяное давление и изматывающего нервы бега наперегонки с ближним.

Но, сверх того, эти явления ведут к пагубному циклическому процессу особого рода, который будет рассмотрен в следующей главе.

У. ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ ЧУВСТВА

У всех живых существ, способных к образованию условных рефлексов реакций классического павловского типа, этот процесс может вызываться двумя противоположными по своему действию видами раздражений: во-первых, приучающими раздражениями, усиливающими некоторое поведение, во-вторых, отучающими, ослабляющими или вовсе тормозящими его. У человека действия раздражений первого рода связаны с чувством удовольствия, второго- с чувством неудовольствия, и вряд ли мы впадем в чрезмерный антропоморфизм, если также и в применении к высшим животным будем кратко называть их вознаграждением и наказанием.

Возникает вопрос, почему филогенетически развивавшаяся программа аппарата, осуществляющего эти формы обучения работает с двумя видами раздражений, а не с одним, что было бы проще. На этот вопрос предлагались уже различные ответы. Простейший из них - действенность процесса обучения удваивается, если организм может извлекать полезные выводы не только из успеха или неудачи, но из обоих вместе. Другой гипотетический ответ состоит в следующем. Если требуется оградить организм от определенных вредных воздействий окружающей среды и обеспечить ему оптимальные для него условия тепла, освещенности, влажности и т.д., то наказывающих раздражений вполне достаточно, и мы в самом деле видим, что аппетенции [x] к оптимуму и, тем самым, к свободе от раздражений, которые Уоллес Крейг именно по этой причине называет "аверсиями" [xx], по большей части вызываются этим путем. Если же, напротив, требуется приучить животное к некоторому специфическому способу поведения, хотя бы к отысканию вполне определенной, заданной местности, то было бы трудно загнать его в это место с помощью одних только отрицательных раздражителей. Легче заманить его

---

[x] Сильные желания, стремления. /лат./

[xx] Отвращения, неприязни /лат./

туда вознаграждающими раздражениями. Уже Уоллес Крейг указал, что эволюция вступила на этот путь решения задачи повсюду, где требовалось приучить животное к отыскиванию специфических раздражающих ситуаций, например, вызывающих спаривание или прием пищи.

Эти объяснения двойственного принципа вознаграждения и наказания, разумеется, обоснованы и имеют свое значение. Однако, есть и еще одна функция принципа удовольствия и неудовольствия, несомненно важнейшая из всех; обнаруживается она лишь в тех случаях, когда ее патологическое нарушение делает заметными последствия ее выпадения. Как уже часто случалось в истории медицины и физиологии, существование вполне определенного физиологического механизма обнаруживается лишь вследствие его заболевания.

Приучение к некоторому способу поведения посредством подкрепляющего вознаграждения побуждает организм мириться с неудовольствием в настоящем ради получения удовольствия в будущем или- на объективном языке - не реагировать на такие раздражающие ситуации, которые без предшествующего обучения вызвали бы отталкивание и задержку. Ради привлекательной добычи собака или волк делает многое, на что в других обстоятельствах идет весьма неохотно, бежит через колючие заросли, прыгает в холодную воду и подвергается опасностям, которых очевидным образом боится. Полезность всех этих отучающих механизмов для сохранения вида состоит очевидно в том, что они образуют противовес действию приучающих- они препятствуют организму, стремящемуся к вознаграждающей ситуации, приносить чрезмерные жертвы и подвергаться чрезмерным опасностям, несоразмерным с ожидаемым благом. Организм не может себе позволить платить цену, которая не "окупается". Полярной зимой волк принимает в расчет погоду и не выходит охотиться в холодные ветреные ночи, не рискуя поплатиться за еду отмороженными пальцами. Возможны, однако, обстоятельства, при которых такой риск

оправдан, например, когда хищнику грозит голодная смерть, и он вынужден все поставить на карту, чтобы выжить. Противостоящие друг другу принципы вознаграждения и наказания, удовольствия и неудовольствия нужны, таким образом, чтобы взвешивать соотношения между ожидаемым благом и требуемой за него ценой; это однозначно подтверждается тем, что интенсивность того и другого колеблется в зависимости от экономического положения организма. Если, например, питание имеется в избытке, то его привлекательное действие ослабевает настолько, что животное едва дает себе труд сделать несколько шагов по направлению к пище, и малейшей ситуации неудовольствия достаточно, чтобы блокировать аппетенцию к еде. Напротив, в случае надобности гибкость механизма удовольствия-неудовольствия позволяет организму платить безмерную цену за достижение жизненно важной цели.

Аппарату, осуществляющему у высших млекопитающих живых существ это жизненно необходимое приспособление поведения к меняющейся "конъюнктуре", присущи некоторые основные физиологические свойства, общие всем нейросенсорным системам подобной сложности. Во-первых, для него характерен широко распространенный процесс привыкания, или адаптации чувств. Это значит, что любая раздражающая комбинация, повторяющаяся много раз подряд, мало-помалу теряет свою действенность, причем- и это существенно - порог реакции на другие, даже весьма сходные раздражающие ситуации не изменяется. Во-вторых, этот механизм обладает столь же широко распространенным свойством инертности реакций. Если, например, сильные раздражения, вызывающие неудовольствие, выводят его из равновесия, то внезапное прекращение таких раздражений вызывает не простое возвращение системы в положение равновесия по плавной кривой, но резкий скачок в другую сторону, так что простое прекращение неудовольствия воспринимается как заметное удовольствие. Это превосходно выражает исконная австрийская шутка: "Сегодня я порадовал свою собаку: сначала как

следует отлупил ее, а потом перестал".

Оба этих физиологических свойства системы удовольствие-неудовольствие важны в связи с нашим предметом, поскольку они- в соединении с некоторыми другими свойствами ее- могут привести в условиях жизни современного цивилизованного человека к опасным расстройствам системы. Но прежде чем к ним перейти, надо еще кое-что добавить по поводу этих свойств. Они восходят к тем экологическим условиям, при которых рассматриваемый механизм - наряду с многими другими врожденными программами поведения- возник в истории нашего вида. Жизнь человека была тогда суровой и опасной. Охотник и пожиратель мяса, он полностью зависел от случайностей охоты, почти всегда был голоден и никогда не был уверен в своем пропитании; дитя тропиков, он постоянно углублялся в умеренные широты, где климат заставлял его тяжело страдать; а крупным хищникам того времени он мог противопоставить лишь свое примитивное оружие, не дававшее ему никакого преимущества, так что вся жизнь его проходила в состоянии напряженной бдительности и страха.

При таких условиях многое, что теперь воспринимается как "порок", или по крайней мере, вызывает презрение, было вполне правильной, жизненно необходимой стратегией выживания. Обжорство было добродетелью; в самом деле, если уж удалось поймать в ловушку крупного зверя, то разумнее всего было набить себе желудок, как только можно. Оправдан был и смертный грех лени: чтобы загнать добычу, требовалось столько усилий, что разумно было не тратить энергию, когда это не было строго необходимо. Опасности, подстерегавшие человека на каждом шагу, были столь серьезны, что любой ненужный риск был безответственной глупостью, и единственно правильным законом поведения была крайняя, граничащая с трусостью, осторожность. Короче говоря, в ту пору, когда, программировалась большая часть инстинктов, которые мы до сих пор в себе носим,

нашим предкам вовсе не приходилось "мужественным" или "рыцарским" образом искать себе жизненные испытания, потому что испытания навязывались сами собой, несколько их еще можно было снести. Принцип, предписывающий человеку избегать по-возможности всякой опасности и всякого расхода энергии, был, следовательно, навязан человеку филогенетически возникшим механизмом удовольствия-неудовольствия, и во время его образования был вполне правилен.

Гибельные ошибочные действия того же механизма в условиях нынешней цивилизации объясняются его филогенетическим происхождением и его основными физиологическими свойствами, привыканием и инерцией. Еще в незапамятные времена мудрейшие из людей осознали, что если человек очень уж успешно следует своему инстинктивному стремлению получать удовольствия и избегать неудовольствие, это никак не идет ему на пользу. Уже в древности люди высокоразвитых культур умели избегать раздражающих ситуаций, причиняющих неудовольствие; а это может привести к опасной изнеженности, нередко, по всей вероятности, ведущей даже к гибели культуры. Люди очень давно обнаружили, что действие ситуаций, доставляющих удовольствие, может быть усилено ловким сочетанием раздражений, причем постоянное изменение раздражений может предотвратить притупление удовольствий от привычки; это изобретение, сделанное во всех высокоразвитых культурах, ведет к пороку, который, впрочем, едва ли способствует уничтожению культуры в такой же степени, как изнеженность. С тех пор как мудрые люди начали размышлять и писать, раздавались проповеди против изнеженности и порока, но с большим усердием всегда обличали порок.

Развитие современной технологии и прежде всего фармакологии, как никогда прежде поощряет общечеловеческое стремление избегать неудовольствий. Современный "комфорт" стал для нас само собой разумеющимся, столь привычным, что мы не сознаем уже, насколько от него зависим.

Самая скромная домашняя работница возмутилась бы, если бы ей предложили комнату с таким отоплением, освещением, условиями для сна и умывания, которые вполне устраивали тайного советника фон Гете или даже саму герцогиню Анну-Амалию Веймарскую. Когда несколько лет назад в Нью-Йорке из-за крупной аварии системы управления выключился на несколько часов электрический ток, многие всерьез уверовали, что наступил конец света. Даже те из нас, кто тверже всех убежден в преимуществе доброго старого времени и в воспитательной ценности спартанского образа жизни, пересмотрели бы свои взгляды, если бы им пришлось подвергнуться обычной 2 000 лет назад хирургической операции.

Все более овладевая окружающим миром, современный человек неизбежно сдвигает "конъюнктуру" своей экономии удовольствия-неудовольствия в сторону постоянного обострения чувствительности ко всем ситуациям, вызывающим неудовольствие, и столь же постоянного притупления чувствительности ко всякому удовольствию. А это, по ряду причин, ведет к пагубным последствиям.

Возрастающая нетерпимость к неудовольствию- в сочетании с убывающей силы удовольствия- ведет к тому, что люди теряют способность вкладывать тяжелый труд в предприятие, сулящее удовольствие лишь через долгое время. Отсюда возникает нетерпеливая потребность в немедленном удовлетворении всех едва зародившихся желаний. Эту потребность в немедленном удовлетворении, к сожалению, всячески поощряют производители и коммерческие предприятия, и потребители удивительным образом не видят, как их порабощают "идущие им навстречу" фирмы, торгующие в рассрочку.

По легко понятным причинам неодолимая потребность в немедленном удовлетворении обнаруживает особенно дурные последствия в области полового поведения. Вместе с потерей способности преследовать отдаленную цель исчезают все наиболее тонко дифференцированные способы поведе-

ния при ухаживании и образовании пар – как инстинктивные, так и культурно программированные, то есть не только способы, возникшие в истории вида с целью сохранения парного союза, но и специфически человеческие нормы поведения, исполняющие те же функции в рамках культуры. Вытекающее отсюда поведение– восхваляемое и возводимое в норму во множестве современных фильмов немедленное спаривание – никак нельзя назвать "животным", поскольку у высших животных нечто подобное встречается лишь в виде редчайшего исключения; вернее уж было бы назвать такое поведение "скотским", понимая под "скотом" домашних животных, у которых для удобства их разведения, все высоко дифференцированные способы поведения при образовании пар устранены человеком при искусственном отборе. Поскольку механизму удовольствия-неудовольствия, как уже было сказано, свойственна инерция и, тем самым, образование контраста, стремление любой ценой избежать малейшего неудовольствия неизбежно влечет за собой исчезновение определенных форм удовольствия, в основе которых лежит именно контраст. Как говорится в "Кладоискателе" Гете, "веселым праздникам должны предшествовать "тяжкие недели"; этой старой мудрости угрожает забвение. И прежде всего болезненное уклонение от неудовольствия уничтожает радость. Гельмут Шульце указал на примечательное обстоятельство: ни слово, ни понятие "радость" не встречается у Фрейда [x]. Он знает наслаждение, но не радость. Когда,– говорит Шульце,– человек взбирается, потный и усталый, с ободранными пальцами и ноющими мускулами, на вершину труднодоступной горы, собираясь сразу же приступить к еще более утомительному и опасному спуску, то во всем этом, вероятно, нет наслаждения, но есть величайшая радость, какую можно себе представить. Во всяком случае, наслаждение можно еще получить, не расплачиваясь за него ценою неудовольствия в виде тяжкого труда, но прекрасная божественная искра Радости [xx] дается только этой ценой. Все возрастающая в наши дни нетерпимость к неудовольствию превращает

возникшие по воле природы вершины и глубины человеческой жизни в искусственно выровненную плоскость, из величественных гребней и провалов вели- она делает едва опутимую выбь, из света и тени- однообразную серость. Короче, она создает смертную скуку.

"Эта эмоциональная тепловая смерть" особенно угрожает, повидимому, радостям и страданиям, неизбежно возникающим из наших общественных отношений, из наших связей с супругами и детьми, родителями, родственниками и друзьями. Высказанное Оскаром Гейндлом в 1910 году предположение, что "в нашем поведении по отношению к семье и чужим, при ухаживании и приобретении друзей действуют врожденные процессы, гораздо более древние, чем обычно принято думать", как показали результаты, полностью подтверждено данными современной этологии человека. Эти чрезвычайно сложные способы поведения наследственно программированы таким образом, что все они вместе и каждый в отдельности приносят нам не только радость, но и много страданий.

Вильгельм Буш выразил это стихами: "Хоть судят юноши превратно, что в наши дни любить приятно, но видят против ожиданья, что и любовь несет страданья". Кто избегает страдания, лишает себя существенной части человеческой жизни. Эта отчетливо наметившаяся тенденция опасным образом соединяется с уже описанными выше следствиями перенаселения.. У ряда культурных групп стремление любой ценой избежать печали вызывает причудливое, почти жуткое отношение к смерти любимого человека. У значительной доли населения Соединенных Штатов она вытесняется в смысле Фрейда: умерший внезапно исчезает, о нем не говорят, упоминать о нем бестактно - ведут себя так, как будто его никогда не было. Еще ужаснее изневажительское приукрашивание смерти, как это изобразил в своей

со стр. 198

x/ Непереводимая игра слов: фамилия Фрейда созвучна со словом "радость" /Freude/.

xx/ "Радости прекрасная божественная искра" - начальная строка оды Шиллера "К радости".

книге "Незабвенная" самый жестокий из сатириков Ивлин Во. Мертвеца искусно гримируют, и считается хорошим тоном восхищаться, как он прекрасно выглядит.

Далеко зашедшее стремление избегать неудовольствия действует на подлинную человечность таким уничтожающим образом, что по сравнению с ним столь же безграничное стремление к удовольствию кажется почти безобидным. Можно сказать, что современный цивилизованный человек слишком вял и пресыщен, чтобы развить в себе сколько-нибудь примечательный порок. Поскольку способность испытывать удовольствия исчезает, главным образом, из-за привычки к сильным и постоянно усиливающимся раздражителям, пресыщенные люди охотятся за все новыми раздражениями. Эта "неофилия" охватывает едва ли не все отношения к предметам внешнего мира, на которые человек способен. Для пораженного этой болезнью культуры любая вещь - пара ботинок, костюм, автомобиль- очень скоро теряет свою привлекательность, точно так же, как возлюбленная, друг или даже отечество. Замечательно, как легко распродают многие американцы при переезде весь свой домашний скарб, покупая потом все заново. Обычная рекламная приманка всевозможных туристических агенств- перспектива "to make New friends" x/. На первый взгляд может показаться парадоксальным и даже циничным, если я выражу уверенность, что сожаление, которое мы испытываем, выбрасывая в мусорный ящик старые брюки или негодную курительную трубку, имеет общие нашим корни с социальными связями, соединяющими нас с друзьями. Вспоминая, с каким чувством я, в конце концов, продал наш старый автомобиль, с которым были связаны бесчисленные картины чудесных путешествий, я совершенно уверен, что это чувства того же рода, как при расставании с другом. Такая реакция, разумеется, неправильная по отношению к неодушевленному предмету, по отношению к высшему животному - например, собаке- не только оправдана, но может служить

---

x/ Приобрести новых друзей /англ./.

прямо-таки тестом душевного богатства или бедности человека. Я внутренне отворачивался от многих людей, рассказывающих о своей собаке: "...а потом мы переехали в город, и ее пришлось отдать."

Явление неофилии в высшей степени желательно для крупных производителей, использующих его, с помощью описываемого в главе седьмой индоктринирования масс, для коммерческой эксплуатации в широчайших масштабах. Как в моде на одежду, так и в моде на автомобили принцип "built-in-obsolet'ion", "встроенного устаревания", играет весьма важную роль.

В заключение главы мне хотелось бы обсудить возможности терапевтического противодействия изнеженности и тепловой смерти чувства. Сколь легко понять причины этих явлений, столь же трудно их устранить. Не хватает здесь, конечно, естественных препятствий, преодоление которых закаляет человека, навязывая ему терпимость к неудовольствию, и доставляет ему в случае успеха радость победы. Большая трудность состоит в том, что препятствия эти, как уже сказано, должны быть естественными, вытекающими из природы вещей. Преодоление нарочно выдуманных затруднений никакого удовлетворения не дает. Курт Ган добивался крупных терапевтических успехов, направляя пресыщенных и скучающих людей на морские станции спасения утопающих. Эти ситуации испытаний, непосредственно воздействующие на глубокие личности, принесли исцеление многим пациентам. Аналогичные способы применял Гельмут Шульце, ставивший своих пациентов в ситуации непосредственной опасности, в "крайние ситуации", как он их называет, в которых, если выразить это совсем уж вульгарным языком, изнеженные люди так близко сталкиваются с настоящей жизнью, что это выбивает из них дурь. Сколь бы ни были успешны такие методы лечения, развитые независимо Ганом и Шульце, они не дают общего решения проблемы. Ведь нельзя же устроить столько кораблекрушений, чтобы доставить всем нуждающимся целебное переживание преодоления препятствий, нельзя посадить всех на парусные суда и так напугать, чтобы они

осознали, как прекрасна все-таки жизнь. Замечательным примером стойкого излечения могут служить не такие уж редкие случаи, когда скука от тепловой смерти эмоций приводит к попытке самоубийства, оставляющей более или менее тяжкие повреждения. Много лет назад опытный учитель слепых из Вены рассказывал мне, что молодые люди, потерявшие зрение при попытке покончить с собой выстрелом в висок, никогда не пытаются снова покончить с собой. Они не только продолжают жить, но удивительным образом созревают, превращаясь в уравновешенных и даже счастливых людей. Подобный же случай произошел с одной дамой, которая будучи еще молодой девушкой, выбросилась из окна и сломала себе позвоночник, но затем, с переломанным спинным хребтом, вела счастливую и достойную жизнь. Без сомнения, все эти отчаявшиеся от скуки молодые люди смогли вернуть себе интерес к жизни, потому что столкнулись с трудно преодолимым препятствием.

У нас нет недостатка в препятствиях, которые мы должны преодолеть, чтобы человечество не погибло, и победа над ними, поистине, достаточно трудна, чтобы доставить удовлетворительные ситуации преодоления препятствий каждому из нас. Довести до всеобщего сведения существование этих препятствий - вот безусловно выполнимая задача, которую должно бы ставить себе воспитание.

У1. ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ВЫРОЖДЕНИЕ

Некоторые способы социального поведения приносят пользу сообществу, но вредны для индивида. Объяснение возникновения и тем более сохранения таких способов поведения из принципов мутации и отбора представляет, как недавно показал Норберт Винер, трудную проблему. Если бы даже возникновение "альтруистических" способов поведения могло быть объяснено не очень понятными процессами группового отбора, в которые я не буду здесь углубляться, то все же возникшая таким образом социальная система неизбежно оказалась бы неустойчивой. Если, например, у галок возникает защитная реакция, при которой каждый индивид в высшей степени храбро вступается за схваченного хищником собрата по виду, то легко понять и объяснить, почему группа, члены которой ведут себя таким образом имеет лучшие шансы на выживание, чем группа, где такого поведения нет. Что, однако, препятствует появлению внутригруппы таких индивидов, у которых реакция защиты товарищей отсутствует? Мутации выпадения функций вполне вероятны и рано или поздно непременно происходят. Если они относятся к альтруистическому поведению, о котором шла речь, то для затронутого ими индивида они должны означать селекционное преимущество, если допустить, что защищать собратьев по виду опасно. Но тогда подобные "асоциальные элементы", паразитируя на социальном поведении своих еще нормальных собратьев, рано или поздно должны были бы составить в таком обществе большинство. Разумеется, все это верно лишь для таких общественных животных, у которых функции размножения и социальной работы не разделены между различными индивидами, наподобие насекомых, образующих "государство", у которых указанной выше проблемы нет, так что, возможно, именно по этой причине "альтруизм" рабочих и солдат принимает у этих насекомых столь крайние формы.

Мы не знаем, что препятствует разложению сообщества социальными паразитами у позвоночных. Трудно себе, в самом деле, представить, чтобы галка возмутилась "трусостью" асоциального субъекта, не принимающего участия в реакции защиты товарища. "Возмущение" асоциальным поведением известно лишь на относительно низком и на самом высоком уровне интеграции живых систем, а именно в "государстве" клеток и в человеческом обществе. Иммунологи обнаружили тесную и весьма знаменательную связь между способностью к образованию антител и опасностью появления злокачественных опухолей. Можно даже утверждать, что образование специфических защитных веществ было впервые "изобретено" под селекционным давлением, какое могло быть лишь у долгоживущих и, прежде всего, долго растущих организмов, которым всегда угрожает опасность возникновения при бесчисленных делениях клеток "асоциальных" клеточных форм, вследствие так называемых соматических мутаций. У беспозвоночных нет ни злокачественных опухолей, ни антител, и оба эти явления сразу же возникают в ряду живых организмов уже у самых низших позвоночных, круглоротых или циклостом, к которым относится, например, речная минога. Вероятно, все мы уже в молодости умирали бы от злокачественных опухолей, если бы наше тело не выработало, в виде реакций иммунитета, своеобразную "клеточную полицию", своевременно устраняющую асоциальных паразитов.

У нас, людей, нормальный член общества наделен весьма специфическими способами реакций, которыми он отвечает на асоциальное поведение. Оно "возмущает" нас, и самый кроткий из людей реагирует прямым нападением, увидев, что обижают ребенка или насилуют женщину. Сравнительное исследование правовых структур в различных культурах свидетельствует о совпадениях, доходящих до подробностей и не объяснимых из культурно исторических связей. Как говорит Гете, "никто уже не вспоминает о праве, что родится с нами". Надо иметь в виду, что вера в существование

независимого от законодательства той или иной культуры - естественного права с древнейших времен связывалась, конечно, с представлением о сверхъестественном, непосредственно божественном, происхождении этого права.

По замечательному совпадению как раз в тот день, когда я начал писать эту главу, я получил письмо от специалиста по сравнительному праву Петера Г. Занда, откуда приведу следующую цитату: "В современных исследованиях в области сравнительного права все больше внимания уделяется структурному сходству между различными правовыми системами мира /для примера можно сослаться на недавно опубликованный проект Корнельского университета "Общее ядро юридических систем"/. Чтобы объяснить довольно многочисленные совпадения, было предложено до сих пор три главных концепции: метафизическая концепция естественного права/ соответствующая витализму в естествознании/, историческая /обмен идеями путем взаимного проникновения и контакта между различными правовыми системами, т.е. путем имитации усвоенного поведения/ и экологическая /приспособление к внешней среде, соответственно к инфраструктуре, т.е. к способам поведения, усвоенным благодаря общему опыту/. В новейшее время к ним присоединилось психологическое объяснение, которое выводит общее "правовое чувство" /инстинктивное понятие!/ из типичного опыта детства, с прямой ссылкой на Фрейда /это относится прежде всего к проф. Альберту Эренцвейгу из Беркли с его "психоаналитической юриспруденцией"/. Существенным достижением этого нового направления является то, что оно сводит социальное явление "права" к индивидуальным структурам, а не наоборот, как традиционная теория права. Но, к сожалению, и оно, как я полагаю, по-прежнему уделяет исключительное внимание усвоенным способам поведения и пренебрегает врожденными, возможно, появляющимися в области права. Прочитав собрание Ваших сочинений /не всегда легких для юриста!/, я твердо убедился, что в этом таинственном "правовом чувстве" /а надо сказать, что эти

слова широко употреблялись в старой теории права, хотя и без объяснения/ следует видеть типичные врожденные реакции поведения."

Я вполне разделяю этот взгляд, отдавая себе, конечно, отчет в том, что его убедительное доказательство связано с большими трудностями; на них тоже указывает проф. Занд в своем письме. Однако, что бы не выявило будущее исследование о филогенетических и культурно-исторических источниках человеческого правового чувства, можно считать твердо установленным научным фактом, что вид Homo Sapiens - обладает высоко дифференцированной системой способов поведения, служащей для искоренения угрожающих обществу паразитов и действующей вполне аналогично системе образования антител в государстве клеток.

В современной криминологии также ставится вопрос, в какой степени преступное поведение может быть объяснено генетическим выпадением врожденных способов социального поведения и реакций торможения, и в какой мере оно происходит от нарушений в культурной передаче социальных норм. Решение этого вопроса, хотя и столь же трудное, как в теории права, имеет здесь, однако, гораздо большее практическое значение. Право есть право, и следовать ему надо независимо от того, возникла ли его структура филогенетическим или культурно-историческим путем. Однако при вынесении приговора преступнику надо знать, обусловлен ли его дефект генетически, или же происходит от воспитания; от этого существенно зависят перспективы сделать его снова терпимым членом общества. Я не хочу этим сказать, что генетические отклонения не могут быть исправимы с помощью целесообразной тренировки; как сообщает Кречмер, некоторые лептосомы x/, занимаясь гимнастикой с подлинно шизотимной xx/ последовательностью, сумели искусственно приобрести почти атлетическую мускулатуру. Если бы все филогенетически программированное ipso facto xxx/, не

---

x/ Так называются люди с врожденной недоразвитостью мышечной системы /от греческ. "легкотелый"/.

xx/ Напоминающий шизофреническое упрямство.

xxx/ Тем самым /авт./

поддавалось влиянию обучения и воспитания, то человек был бы безответственной игрушкой своих инстинктивных побуждений. Предпосылка любого культурного сожительства людей состоит в том, что человек способен укрощать свои побуждения; к этому сводится вся истина, заключенная в проповедях аскезы. Но господство разума и ответственности не безгранично. Его едва хватает здоровому, чтобы занимать в культурном обществе свое место. Между тем, пользуясь моим старым сравнением, можно сказать, что душевно здоровый человек и психопат различаются между собою не больше, чем люди с компенсированным и декомпенсированным пороком сердца. Человек, как удачно заметил Арнольд Гелен, по своей природе, то есть по своему филогенезу, есть культурное существо. Иными словами, его инстинктивные побуждения и культурно обусловленное ответственное владение ими составляют единую систему, в которой функции обеих подсистем точно согласованы друг с другом. Наибольший недостаток или избыток с той или другой стороны приводит к нарушению гораздо легче, чем думает большинство людей, склонных верить во всемогущество человеческого разума и обучения. И, к сожалению, человек, повидимому, лишь в весьма незначительных пределах способен компенсировать такие нарушения, тренируя свою власть над собственными побуждениями.

Прежде всего, криминологии слишком хорошо известно, как мало можно надеяться превратить в социальных людей так называемых эмоционально бедных. Это одинаково верно в отношении как родившихся эмоционально бедными, так и тех несчастных, у кого почти такое же нарушение возникло от недостатка воспитания, особенно от госпитализации /в смысле Рене Спитца/. Недостаточный личный контакт с матерью в младенческом возрасте вызывает - если дело не кончается хуже - неспособность к социальным связям, симптомы которой чрезвычайно напоминают врожденную эмоциональную бедность. Итак, если не верно, что все врожденные дефекты неизлечимы, то еще менее верно, будто излечимы все

приобретенные; к нарушениям психики также применимо старое врачебное правило: "лучше предупреждать, чем лечить".

Вера во всемогущество условных реакций несет немалую долю вины за некоторые причудливые ошибки правосудия. Ф.Хеккер в своих лекциях, читанных в клинике Меннинджера в Топеке /Канзас/, рассказал о случае, когда один молодой убийца, принятый на психотерапевтическое лечение, был через некоторое время выпущен как "излеченный" и очень скоро совершил новое убийство. Это повторилось не более - и не менее как четырежды, и лишь после того, как преступник убил четвертого человека, гуманное, демократическое общество осознало, что он общественно опасен.

Эти четыре мертвеца - еще небольшой вред по сравнению с тем, какой причиняет самое отношение нынешнего общественного мнения к преступлению. Превратившееся в религию убеждение, что все люди рождаются равными и что все нравственные пороки преступника надо относить за счет его воспитателей, которые перед ним грешны, приводят к уничтожению всякого естественного правового чувства, и прежде всего у самого отщепенца; преисполненный жалости к себе, он считает себя жертвой общества. В одной австрийской газете можно было увидеть крупный заголовок: "Семнадцатилетний из страха перед родителями стал убийцей." Этот парень изнасиловал свою десятилетнюю сестру, и так как она угрожала рассказать об этом родителям, задушил ее. В этом сложном стечении обстоятельств родители, наверное, по крайней мере отчасти были повинны, но уж, конечно, не в том, что нагнали на юнца слишком большой страх.

Чтобы понять патологические крайности общественного мнения, надо прежде всего отдать себе отчет в том, что - оно является функцией одной из тех саморегулирующих систем, которым, как мы говорили в начале, свойственны колебания. Общественное мнение инертно, оно реагирует на новые влияния лишь после длительной "задержки"; сверх того, оно любит грубые упрощения, большею частью преувеличивающие подлинное положение вещей. Поэтому оппозиция,

критикующая общественное мнение, по отношению к нему чуть ли не всегда права. Но в схватке мнений она переходит на крайние позиции, каких никогда не заняла бы, если бы не стремилась компенсировать противоположное мнение. И если господствовавшее до этого мнение рушится - а это обычно происходит внезапно - то маятник колеблется в сторону столь же крайнего, преувеличенного взгляда прежней оппозиции.

Нынешняя гротескная форма либеральной демократии находится в кульминационной точке колебания. На противоположном конце, где маятник находился не так уж давно, были Эйхман и Освенцим, эвтаназия x/, расовая ненависть, геноцид и суд Линча. Мы должны понять, что по обе стороны точки равновесия маятника стоят подлинные ценности: "слева" - ценность свободного развития личности, "справа" - ценность общественного и культурного здоровья. Бесчеловечны лишь эксцессы в любую сторону. Колебание продолжается, и вот в Америке уже намечается опасность, что вполне оправданный сам по себе, но неумеренный мятеж молодежи и негров может вызвать столь же неумеренную реакцию ничему не научившихся праворадикальных элементов, дав им желанный повод втянуть общество в другую крайность. Хуже всего, однако, что эти идеологические колебания не только не затухают, но угрожают расшатать всю систему до катастрофы. Дело ученого - попытаться наладить настоятельно необходимое торможение этих дьявольских колебаний.

Один из многих парадоксов, в которых, пытаясь из них вывернуться, еще больше запуталось цивилизованное человечество, состоит в том, что требование человечности по отношению к личности опять вступило здесь в противоречие с интересами человечества. Наше сострадание к асоциальным отщепенцам, неполноценность которых может быть вызвана либо необратимым повреждением в раннем возрасте /госпитализация!/, либо наследственным недостатком, мешает нам защитить тех, кто этим пороком не поражен. Нельзя даже

---

x/ Умерщвление психических больных.

применить к людям слова "неполноценный" и "полноценный", не навлекая на себя сразу же подозрение, что ты сторонник газовых камер.

Без сомнения, "таинственное правовое чувство", о котором говорит П.Г.Занд, представляет собой систему генетически закрепленных реакций, побуждающих нас выступать против асоциального поведения наших собратьев по виду. Эти реакции образуют неизменный в течение исторических времен основной мотив, на который накладывались вариации независимо возникавших в отдельных культурах правовых и моральных систем. Несомненно, далее, что вероятность грубо ошибочных действий этого неосознанного правового чувства столь же велика, как и в случае любой другой инстинктивной реакции. Если человек чужой культуры совершит оплошность /как это сделали, например, участники первой немецкой экспедиции на Новую Гвинею, срубив священную пальму/, его предают смерти с таким же праведным самодовольством, как если бы это был член собственного общества, нечаянно нарушивший табу своей культуры. "Mobbing" x/, столь легко ведущий к суду Линча,- поистине один из самых бесчеловечных способов поведения, до которых можно довести современного нормального человека. Он вызывает все жестокости по отношению к "варварам" вне собственного общества и к меньшинствам внутри него, усиливает склонность к образованию псевдовидов в смысле Эриксона, лежит в основе многих других, хорошо известных социальной психологии явлений проецирования - например, типичного поиска "козла отпущения" за собственные грехи и других чрезвычайно опасных и аморальных импульсов, интуитивно неразличимых для неискушенного и входящих в то же глобальное "правовое чувство".

И все же для механизма нашего социального поведения это "правовое чувство" столь же необходимо, как щитовидная железа для наших гормонов, и отчетливо наметившаяся

---

x/ от англ. "нападение толпы"- реакция нападения общественных животных на хищника, схватившего одного из них.

в наши дни тенденция огульно осудить его и не давать ему действовать может привести лишь к таким печальным последствиям, как попытки лечить базедову болезнь полным удалением щитовидной железы. Опасные последствия нынешней тенденции к абсолютной терпимости, выключающей естественное правовое чувство, усиливаются еще действием псевдодемократической доктрины, считающей поведение человека результатом обучения. В нашем поведении, служащем сохранению общества или вредящем ему, многое зависит от благословения или проклятия, которое запечатлела в нас в раннем детстве более или менее проницательная, ответственная и, прежде всего, эмоциональная здоровая родительская чета. Столь же много, если не больше, обусловлено генетически. Как мы знаем, великий регулирующий механизм ответственного, категорического вопроса способен компенсировать недостатки социального поведения, вызванные воспитанием или генетические, лишь в весьма тесных пределах.

Кто мыслит биологически и знает силу инстинктивных побуждений, а также относительное бессилие всякой ответственной морали и всевозможных благих намерений, и кто еще в некоторой мере понимает, с позиций психиатрии и глубинной психологии, возникновение нарушений социального поведения, тот не может осуждать "нарушителя" с тем же праведным гневом, как это делает каждый эмоционально здоровый человек. Он видит в нем уже не столько дьявольски злого, сколько заслуживающего сострадания больного человека, и с чисто теоретической точки зрения это вполне правильно. Но если к такой оправданной установке присоединяется еще заблуждение псевдодемократической доктрины, будто человеческое поведение полностью обусловлено и поэтому его можно неограниченно изменять и исправлять, то отсюда происходит тяжкое прегрешение против сообщества людей.

Чтобы представить себе, какими опасностями угрожает человечеству вырождение унаследованного инстинкта, надо

понять, что в условиях современной цивилизованной жизни нет ни одного фактора, осуществляющего отбор в направлении простой доброты и порядочности, за исключением нашего врожденного чувства к этим ценностям. В экономическом соревновании западной культуры за них полагается безусловно отрицательная селекционная премия! Счастье еще, что экономический успех и показатель размножения не обязательно связаны с положительной корреляцией.

Есть старый еврейский анекдот, хорошо иллюстрирующий необходимость морали. Миллиардер приходит к шадхену /брачному посреднику/ и дает ему понять, что хотел бы жениться. Шадхен, ревностно взявшись за дело, принимается восхвалять некую необычайно красивую девушку, трижды подряд завоевавшую звание "Мисс Америка", но богач отклоняет предложение: "Я сам достаточно красив!" Шадхен, со свойственной его профессии гибкостью, начинает превозносить другую невесту, с приданым в несколько миллиардов долларов. "Богатства мне не надо,- отвечает Крез,- я сам достаточно богат." Шадхен тут же переходит на третий регистр и рассказывает о невесте, в 21 год ставшей доцентом математики, в 24 года, занимающей должность ординарного профессора теории информации в МИТ. x/ "Умной мне не надо,- говорит презрительно миллиардер,- я сам достаточно умен!" Тогда шадхен в отчаянии восклицает: "Какой же, ради Бога, она должна быть?" "Она должна быть порядочной! - гласит ответ.

Мы знаем на примере наших домашних животных и даже диких видов, разводимых в неволе, как скоро при отпадении специфического отбора может наступить разложение способов социального поведения. У многих рыб, воспитывающих потомство, при искусственном разведении в коммерческих целях в течение нескольких поколений настолько нарушаются генетические системы ухода за потомством, что из нескольких десятков с трудом удается найти пару, способную правильно заботиться о нем. Примечательно, что при этом, как

---

x/ Массачусетский Технологический Институт.

и при разложении норм социального поведения под действием культурных условий, самые дифференцированные и исторически молодые механизмы, повидимому, наиболее уязвимы. Старые, общераспространенные побуждения, например, к питанию и спариванию, очень часто доходят при этом до гипертрофии, что легко объяснить, поскольку человек, разводящий этих рыб, по всей вероятности, селективно поощряет неразборчивую, жадную еду и такое же спаривание, стремясь в то же время подавить мешающие ему стимулы к агрессии и бегству.

В целом, домашнее животное выглядит злой карикатурой на своего хозяина. Как я указал в одной из предыдущих работ /1954/, наше эстетическое восприятие отчетливо связано с телесными изменениями, регулярно выступающими в ходе одомашнения. Типичные признаки одомашнения, такие, как исчезновение мышц и замена их жиром, с возникающим отсюда отвислым животом, укорочения черепа и конечностей, рассматриваются и в животных, и в человеке как уродство, в то время как противоположные признаки считаются "благородными". Совершенно аналогична наша эмоциональная оценка особенностей поведения, которые одомашнение уничтожает или, по меньшей мере, ставит под угрозу: материнская любовь, самоотверженное и храброе заступничество за семью и общество - инстинктивно программированные нормы поведения, точно так же, как еда и спаривание, но мы определенно воспринимаем их как нечто лучшее и более благородное.

В упомянутых работах я проследил во всех подробностях тесные связи между тенденцией к исчезновению некоторых особенностей при одомашнении и оценкой их нашими эстетическими и этическими чувствами. Корреляция здесь слишком отчетлива, чтобы быть случайной, и объяснить ее можно лишь допущением, что в основе наших ценностных осуждений лежат встроенные механизмы, предохраняющие человечество от угрожающих ему вполне определенных явлений вырождения. Это наводит на предположение, что в основе нашего правового чувства также лежит филогенетически про-

граммированный механизм, функция которого - противодействовать инфильтрации общества асоциальными представителями нашего вида.

Один синдром наследственных изменений несомненно выступает вполне аналогичным образом и по сходным причинам у человека и у животных: это примечательная комбинация ранней половой зрелости и удлинения юношеской стадии развития. Как давно уже указал Больк, человек целым рядом своих физических признаков больше напоминает детеныша, чем взрослые формы ближайших ему зоологических видов. Длительная задержка в юношеском состоянии вообще называется в биологии неотенией. Отмечая это явление у человека, Л.Больк /1926/ особенно подчеркивает замедление человеческого онтогенеза, так называемую тетардацию. Поведение человека подчиняется тем же закономерностям, что и онтогенез его тела. Я сделал попытку показать /1943/, что сохраняющаяся у человека до глубокой старости исследовательская любознательность, проявляющаяся в виде игры, его открытость по отношению к миру, как ее называет Арнольд Гелен /1940/, представляет собой удержавшийся юношеский признак.

Детскость- один из самых важных, необходимых и, в благороднейшем смысле, человечных признаков человека. "Человек лишь тогда человек вполне, когда он играет",- говорит Фридрих Шиллер. "В подлинном мужчине запрятан ребенок, который хочет играть",- говорит Ницше. "Почему же запрятан?"- спрашивает моя жена. Отто Ган сказал мне после нескольких первых минут знакомства: "Скажите, ведь у вас, в сущности, детская натура? Надеюсь, Вы меня правильно поймете!"

Детские качества принадлежат, без сомнения, к предпосылкам возникновения человека. Вопрос лишь в том, не разовьется ли это характерное для человека генетическое "впадение в детство" до опасных пределов. Как я уже говорил, явления нетерпимости к неудовольствию и притупления чувств могут привести к инфантильному поведению. Имеется

серьезное подозрение, что к этим генетически обусловленным процессам могут присоединиться процессы, порожденные культурой. Нетерпеливое стремление к немедленному удовлетворению желаний, полное отсутствие ответственности и внимания к чувствам других,- все это типичные свойства маленьких детей, им вполне простительное. Терпеливая работа для далекой цели, ответственность за свои поступки и внимание даже по отношению к далеким людям- таковы нормы поведения, характерные для зрелого человека.

О незрелости говорят исследователи рака, считающие ее одним из свойств злокачественной опухоли. Когда клетка отвергает все свойства, делающие ее полноправным членом некоторой ткани - кожи, эпителия кишечника или молочной железы,- то с нею неизбежно происходит "регрессия" до состояния, соответствующего более ранней фазе развития вида или индивида, то есть она начинает вести себя как одноклеточный организм или эмбриональная клетка, а именно, начинает делиться без учета интересов организма в целом. Чем дальше заходит такая регрессия, чем больше вновь образовавшаяся ткань отличается от нормальной, тем злокачественнее опухоль. Папиллома, еще обладающая многими свойствами нормальной кожи и всего лишь выступающая из нее в виде бородавки,- доброкачественная опухоль; саркома же, состоящая из однородных, никак не дифференцированных клеток мезодермы - злокачественная. Гибельный рост злокачественных опухолей, как уже было сказано, происходит от того, что определенные защитные средства, с помощью которых организм обороняется от возникновения "асоциальных" клеток, перестают действовать или подавляются этими клетками. При этом смертоносный инфильтрующий рост опухоли возможен лишь в случае, когда окружающие ткани обращаются с ними, как с равными, и кормят их. Уже рассмотренная ранее аналогия может быть продолжена дальше. Человек, у которого не созрели нормы социального поведения, застревает в инфантильном состоянии и неизбежно становится в обществе паразитом. Он ожидает как чего-

то само собой разумеющегося, что взрослые будут и дальше о нем заботиться, как будто он ребенок. В "Зюддойче Цайтунг" сообщалось недавно об одном юноше, убившем свою бабушку, чтобы отобрать у нее несколько марок на кино. Вся его ответственность сводилась к упорному повторению одной фразы: он ведь говорил бабушке, что ему нужны деньги на кино. Конечно, этот человек был слабоумным.

Огромное множество молодых людей относится теперь враждебно к общественному порядку и, тем самым, к своим родителям. И в том, что, несмотря на такую установку, они считают само собой разумеющимся, что это общество и эти родители их содержат, сказывается их бездумная инфантильность. Если, как я опасаюсь, рост инфантильности и юношеской преступности у цивилизованных людей действительно происходит от генетического разложения, то перед нами серьезнейшая опасность. Наша высокая эмоциональная оценка хорошего и порядочного остается, с подавляющей вероятностью, единственным фактором отбора, сколько-нибудь действенно препятствующим иное разложение социального поведения. Даже прожженный делец из нашего многозначительного анекдота хотел жениться на порядочной девушке! Все, о чем шла речь в предшествующих главах,- перенаселение, коммерческая конкуренция, разрушение естественной микросреды и отчуждение от ее внушающей благоговение гармонии, вызываемая изнеженностью неспособность к сильным чувствам- все это действует совместно, чтобы лишить современного человека всякого суждения, что хорошо и что плохо. И ко всему этому прибавляется еще отпущение грехов асоциальным элементам, навязываемое нам пониманием генетических и психологических причин их пороков.

Мы должны научиться соединять проницательную гуманность по отношению к индивиду с учетом того, что нужно сообществу людей. Отдельный человек, у которого выпали некоторые способы социального поведения и вместе с тем нарушена способность к сопровождающим их чувствам, вполн-

не заслуживает нашего сострадания; это и в самом деле несчастный больной. Но само по себе выпадение - зло. Это не только отрицание и регресс творческого процесса, превратившего животное в человека, но нечто гораздо худшее, поистине жуткое. Каким некким загадочным путем нарушение морального поведения очень часто приводит не просто к отсутствию всего, что мы воспринимаем как хорошее и порядочное, но к активной враждебности против добра и порядочности. Именно это явление породило во многих религиях веру во врага и соперника Господня. И если в наши дни посмотреть открытыми глазами на все происходящее в мире, то нечего возразить верующему, убежденному, что Антихрист уже пришел.

Без сомнения, разложение генетически закрепленных форм поведения угрожает нам Апокалипсисом, и при том в особенно страшной форме. И все же одолеть эту опасность, пожалуй, легче, чем другие, как, например, перенаселение или дьявольский круг коммерческого соревнования, которым можно противопоставить лишь самые радикальные меры,- самое меньшее, переоценку всех почитаемых ныне ценностей путем воспитания. Чтобы остановить генетическое вырождение человечества достаточно держаться старой мудрости, классически выраженной в рассказанной выше еврейской шутке. Достаточно при выборе супруги или супруга не забывать простого и очевидного требования: она должна быть порядочной - и он не в меньшей степени.

Прежде чем перейти к следующей главе, где говорится об опасностях разрыва с традицией, возникающих из слишком радикального бунта молодежи, я хотел бы предупредить возможное недоразумение. Все, что было сказано выше об опасных последствиях роста инфантильности, в особенности об исчезновении чувства ответственности и восприимчивости к ценностям, относится к быстро нарастающей юношеской преступности, но никоим образом не к распространившемуся на весь мир бунту современной молодежи.. Сколь бы энергично не выступал я в дальнейшем против заблуждений, в которые она впадает, я хотел бы здесь недвусмысленно заявить,

что она никоим образом не страдает недостатком социальной и моральной восприимчивости, и тем самым - слепотой к ценностям. Совсем напротив: у этих молодых людей необычайно верное ощущение, что не только неладно что-то в датском государстве, но и в гораздо больших государствах очень многое неладно.

УП. РАЗРЫВ С ТРАДИЦИЕЙ

В развитии каждой человеческой культуры обнаруживаются замечательные аналогии с историей развития вида. Кумулирующая традиция, лежащая в основе развития каждой культуры, строится на новых по своему существу, не свойственных ни одному виду животных действиях, и прежде всего на отвлеченном мышлении и словесном языке, доставивших человеку возможность образовывать свободные символы и, тем самым, небывалую до того возможность распространять и передавать индивидуально приобретенное знание. Возникшее отсюда "наследование приобретенных свойств" x/, в свою очередь, привело к тому, что историческое развитие культуры происходит на много порядков быстрее, чем филогенез любого существующего вида.

Процессы, с помощью которых культура приобретает новое, способствующее сохранению системы знание, а также процессы, позволяющие хранить это знание, отличны от тех, какие встречаются при изменении видов. Но метод выбора из многообразного данного материала того, что подлежит сохранению, в обоих случаях явно один и тот же: это отбор после основательного испытания. Конечно, отбор, определяющий структуры и функции некоторой культуры, менее строг, чем отбор при изменении вида, поскольку человек уклоняется от факторов отбора, устраняя их один за другим путем все большего овладения окружающей природой. Поэтому нередко в культурах встречается нечто, едва ли возможное у видов животных: так называемое явление роскоши, т.е. структуры, характер которых не может быть выведен ни из какой-либо функции, полезной для сохранения системы, ни из более ранних форм этой системы. Человек может себе позволить таскать с собой больше ненужного балласта, чем дикое животное.

---

x/ "Наследование приобретенных свойств"- ироническая ссылка на теорию Ламарка, приписывавшую животным способность передавать по наследству свойства, приобретенные в течение онтогенеза. Здесь идет речь о передаче таких свойств путем культурной традиции, а не генетическим путем.

Замечательно, однако, что один лишь отбор решает, что должно войти в сокровищницу знаний культуры в качестве ее традиционных, "священных" обычаев и нравов. Похоже, что изобретения и открытия, происшедшие от догадки рационального исследования, также приобретают со временем ритуальный и даже религиозный характер, если они достаточно долго передаются из поколения в поколение. Мне придется еще вернуться к этому в следующей главе. Когда унаследование формы социальных отношений некоторой культуры изучается в том виде, как они наблюдаются в данный момент без привлечения сравнительно-исторического подхода, то невозможно отличить нормы, развивающиеся из случайно возникших "суеверий", от тех, которые обязаны своим появлением подлинной проницательности или изобретению. Несколько утрируя, можно сказать, что все сохраняемое культурной традицией в течение достаточно продолжительного времени принимает в конце концов характер "суеверия" или "доктрины".

На первый взгляд, это может показаться "конструкционной ошибкой" механизма, поставляющего и накапливающего знания в человеческих культурах. При более внимательном рассмотрении, однако, обнаруживается, что величайшая консервативность в сохранении однажды испытанного принадлежит к числу жизненно необходимых свойств аппарата традиции, осуществляющего в развитии культуры ту же функцию, какую ген выполняет в изменении вида. Сохранение не просто так же важно, но гораздо важнее приобретения, и надо не упускать из виду, что без специальных исследований мы вообще не в состоянии понять, какие из обычаев и нравов, переданных нам нашей культурной традицией, представляют собой ненужные, устаревшие предрассудки, и какие - неотъемлемое достояние культуры. Даже в случае норм поведения, дурное воздействие которых кажется очевидным,- например, охота за черепами у многих племен Борнео и Новой Гвинеи,- вовсе не ясно, какие реакции может вызвать их радикальное устранение в системе норм социального поведения, поддерживающей цельность такой культурной группы. Подобная

система норм служит, в некотором смысле, остовом любой культуры, и без проникновения во все многообразие ее взаимодействий в высшей степени опасно произвольно удалять из нее хотя бы один элемент.

Заблуждение, будто лишь рационально постижимое или, тем более, научно доказуемое составляет прочное достояние человеческого знания, приносит гибельные плоды. Оно побуждает "научно просвещенную" молодежь выбрасывать за борт бесценные сокровища мудрости и знания, заключенные в традициях любой старой культуры и в учениях великих мировых религий. Кто полагает, что всему этому грош цена, закономерно впадает в другую столь же гибельную ошибку, считая, что наука, конечно же, может создать всю культуру со всеми ее атрибутами чисто рациональным путем из ничего. Это почти так же глупо, как мнение будто мы уже достаточно знаем, чтобы как угодно "улучшить" человека, переделав человеческий ген. Ведь культура содержит столько же "выросшего", приобретенного отбором знания, сколько животный вид, а до сих пор, как известно, не удалось еще "сделать" ни одного вида.

Эта чудовищная ошибка недооценка нерациональных знаний, заключенных в сокровищах культуры, и столь же чудовищная переоценка знаний, которые человек сумел составить с помощью своего RATIO в качестве HOMO FABER x/, не являются, впрочем, ни единственным, ни даже решающим фактором, угрожающим гибелью нашей культуре. У надменного просвещения нет причин выступать против унаследованной традиции с такой резкой враждебностью. В крайнем случае, оно должно было бы относиться к ней, как биолог к старой крестьянке, настойчиво уверяющей его, что блохи возникают из опилок, смоченных мочой. Однако, установка значительной части нынешнего молодого поколения по отношению к поколению их родителей не имеет в себе ничего от подобной мягкости, а преисполнена высокомерного презрения. Революцией современной молодежи движет ненависть, и ненависть

---

x/ Человек Деятельный

особого рода, ближе всего стоящая к национальной ненависти, опаснейшему и упорнейшему из всех ненавистнических чувств. Иными словами, бунтующая молодежь реагирует на старшее поколение так же, как некоторая культурная или "этническая" группа реагирует на чужую группу, враждебную ей.

Эрик Эриксон первым указал на то, как далеко заходит аналогия между дивергирующим x/ развитием независимых этнических групп в истории культуры и изменением подвидов, видов и разновидностей в эволюционном процессе. Он ввел термин " pseudospeciatio ", "псевдо-видообразование". Возникшие в истории культуры ритуалы и нормы социального поведения, с одной стороны, поддерживают цельность больших или меньших культурных единиц, с другой- отгораживают их друг от друга. Определенный вид "манер", особый групповой диалект, способ одеваться и т.п., могут превратиться в символ сообщества, который любят и защищают точно так же, как и саму эту группу лично знакомых и любимых людей. Как я показал в другой работе /1967/, эта высокая оценка всех символов собственной группы идет рука об руку со столь же низкой оценкой символов любой другой сравнимой культурной единицы. Чем дольше две этнические группы развивались независимо друг от друга, тем значительнее различия между ними, и из этих различий, аналогично сравнению признаков и видов животных, можно реконструировать ход развития. И в том, и в другом случае можно с уверенностью принять, что шире распространенные признаки, принадлежащие более крупным единицам, старше других.

Каждая достаточно четко выделенная группа стремится и в самом деле рассматривать себя как замкнутый в себе вид - настолько, что членов других сравнимых единиц не считают полноценными людьми. В очень многих туземных языках собственное обозначается попросту словом "человек". Тем самым, лишение жизни члена соседнего племени не рас-

---

x/ Расходящимся /от лат./

считается как настоящее убийство! Это следствие образования псевдовидов в высшей степени опасно, поскольку оно в значительной мере снимает торможение, мешающее убить своего собрата по виду, между тем как внутривидовая агрессивность, вызываемая собратьями по виду и никем другим, продолжает действовать. По отношению к "врагам" испытывают ненависть, какую могут вызвать лишь другие люди, но не вызывает и злейший хищный зверь, и в них можно спокойно стрелять, потому что они ведь не настоящие люди. Само собою разумеется, испытанная техника всех поджигателей войны поддерживает такое мнение.

Тот факт, что нынешнее младшее поколение совершенно однозначно начинает рассматривать старшее как чужой псевдовид, вызывает глубокое беспокойство. Это выражается в ряде симптомов. Конкурирующие и враждебные этнические группы имеют обыкновение вырабатывать себе или создавать Ad hoc [x] подчеркнуто различные костюмы. В Центральной Европе местные крестьянские костюмы давно исчезли, и только в Венгрии они полностью сохранились повсюду, где близко друг к другу расположены венгерские и словацкие деревни. Тамошние жители носят свой костюм не только с гордостью, но и с явственным несомненным намерением досадить членам другой этнической группы. Точно так же ведут себя многие самочинно возникшие группы бунтующей молодежи, причем поразительно, насколько сильно у них - вопреки кажущемуся отвращению ко всякому милитаризму- стремление носить мундир..

"Специалисты" различают разные группировки "битников", "Теддибойс", "Рокс", "Модс", "Рокеров", "хиппи", "мусорщиков" и т.д. по их нарядам с такой же уверенностью, как узнавали некогда полки императорской королевской[xx] австрийской армии.

Бунтующая молодежь стремится как можно дальше стой-

---

x/ Нарочито /лат./

xx/ Австрийский император был одновременно венгерским королем. Отсюда двойное название различных учреждений Австро-Венгрии.

ти от поколения родителей в своих обычаях и правах; традиционное поведение старших не просто игнорируют, но замечают в малейших деталях и во всем поступают наоборот. В этом состоит, например, одно из объяснений проявления половых излишеств в группах, в которых половая потенция, повидимому, вообще снизилась. Тем же усиленным стремлением нарушать родительские запреты можно объяснить случаи, когда бунтующие студенты у всех на глазах мочились и испражнялись - как было в Венском университете.

Мотивировка всех этих странных, даже причудливых способов поведения остается у этих молодых людей полностью бессознательной, и они приводят самые разнообразные, часто весьма убедительно звучащие псевдорационализации своего образа действий: они протестуют против общей бесчувственности своих богатых родителей к бедным и голодным, против войны во Вьетнаме, против произвола университетских властей, против всех "establishment" всех направлений. В действительности же атака направляется против всех без разбора пожилых людей, совершенно независимо от их политических взглядов. Студенты леворадикального направления поносят леворадикальных профессоров ничуть не меньше, чем правых; коммунистические студенты под предводительством Кон-Бендита подвергли однажды грубейшей травле Г.Маркузе, осыпав его площадными смехотворными обвинениями,- например, что он платный агент ЦРУ. Мотив нападения состоял вовсе не в различии политических взглядов, а исключительно в том, что он принадлежит к другому поколению.

Точно так же, бессознательно и эмоционально, старшее поколение понимает эти мнимые протесты как то, чем они являются на самом деле,- как исполненные ненависти воинственные клики и брань. Так возникает быстрая и опасная эскалация ненависти, по существу своему- как уже было сказано- родственной ненависть национальной, т.е. ненавистью между различными этническими группами. Даже мне, искушенному этологу, трудно воздержаться от гнев-

ной реакции на красивую синюю блузу хорошо обеспеченного коммуниста Кон-Бендита, и достаточно приемотреться к выражению лица таких людей, чтобы понять, что именно такой реакции они и желают. При таких условиях возможность взаимопонимания становится минимальной.

Как в моей книге об агрессии /1963/, так и в публичных выступлениях докладах /1968, 1969/ я занимался уже вопросом, в чем можно усмотреть вероятные этологические причины войны поколения; поэтому я ограничусь теперь самым необходимым. В основе всего этого круга явлений лежит функциональное нарушение некоторого процесса развития, происходящего у человека в период созревания. Во время этой фазы молодой человек начинает освобождаться от традиций родительского дома, критически проверять их и осматриваться в поисках новых идеалов, новой группы, к которой он мог бы примкнуть, почитая ее дело своим. Более того, при выборе объекта решающее значение имеет, особенно у молодых мужчин, стремление бороться за хорошее дело. В этой фазе доставшееся от родителей кажется скучным, а все новое- привлекательным; так что можно говорить о физиологической неофилии.

Без сомнения, этот процесс имеет важное значение для сохранения вида; поэтому он и вошел в филогенетически возникшую программу поведения человека. Функция его состоит в том, чтобы сделать передачу норм культурного поведения менее жесткой, способной к некоторому приспособлению; происходящее при этом можно сравнить с линькой рака, вынужденного сбрасывать свой жесткий панцирь, чтобы иметь возможность расти. Как во всех жестких структурах, при передаче культурного наследия необходимая устойчивость должна быть куплена ценой потери некоторых степеней свободы и, как всегда в таких случаях, разборка, нужная для любой переделки, несет с собой известные опасности, поскольку между разборкой и сборкой неизбежна шаткость и беззащитность. Это одинаково относится и к линяющему раку, и к созревающему человеку.

В нормальных условиях период физиологической неофилии сменяется возрождением любви к наследию. Это происходит постепенно; как может засвидетельствовать большинство старших, в шестьдесят лет гораздо выше ценишь многие взгляды своего отца, чем в восемнадцать. А.Мичерлих удачно называл это явление "поздним послушанием".

Особая система, состоящая из физиологической неофилии и позднего послушания, содействует сохранению системы в целом, устраняя явно устаревшие, затрудняющие развитие элементы унаследованной культуры и продолжая при этом поддерживать существенные и необходимые структуры. Поскольку функция этой системы неизбежно зависит от взаимодействия целого ряда внешних и внутренних факторов, понятно, что она легко уязвима.

Задержки развития, которые могут быть обусловлены не только факторами внешнего мира, но заведомо и генетическими причинами, имеют весьма различные последствия в зависимости от момента, когда они возникли. Индивид, застрявший на одной из ранних инфантильных стадий, может никогда не выйти из традиций старшего поколения, сохраняя с родителями нерушимую связь. Такие люди плохо ладят со своими ровесниками и часто превращаются в чудаков. Физиологически ненормальная задержка на стадии неофилии ведет к характерному злопамятному раздражению против родителей, иногда давно умерших, и тоже к обособлению определенного типа. Психоаналитикам эти оба явления хорошо известны.

Однако у расстройств, ведущих к ненависти и войне между поколениями, причины другие, и притом двоякого рода. Во-первых, приспособительные изменения, требуемые при передаче культурного наследия, становятся от поколения к поколению все больше. Во времена Авраама изменения в нормах поведения, унаследованных от отца были столь незначительны, что - как это убедительно изобразил Томас Манн в своем чудесном психологическом романе "Иосиф и его братья"- многие из тогдашних людей вообще не были в состоянии отделить собственную личность от личности

отца и, следовательно, отождествление происходило самым совершенным способом, какой можно себе представить. В наше время, при темпе развития, навязанном нынешней культуре ее техникой, критически настроенная молодежь справедливо считает устаревшей значительную часть традиционного достояния, все еще хранимого старшим поколением. И тогда описанное выше заблуждение, будто человек способен произвольным и рациональным образом выстроить на голом месте новую культуру, приводит к совсем уже безумному выводу, что старую отцовскую культуру лучше всего полностью уничтожить, чтобы приняться за "творческое" строительство новой. Это и в самом деле можно было бы сделать, но только заново начав с до-кроманьонских людей!

Впрочем, желание "выплеснуть вместе с водой родителей", широко распространенное в наши дни среди молодежи, имеет еще и другие причины. Изменения, которым подвергается структура семьи в ходе прогрессирующей техницации человечества, действуют вместе и по отдельности в направлении ослабления связи между родителями и детьми. И начинается это уже с грудных младенцев. Поскольку мать в наши дни никогда не может посвящать ребенку все свое время, почти везде возникают, в большей или меньшей степени, явления, описанные Рене Спитцем под именем госпитализации. Наихудший ее симптом - тяжелое или даже необратимое ослабление способности общения с людьми. Этот эффект опасным образом сочетается с уже рассмотренным нарушением способности к человеческой симпатии.

Несколько позже, особенно у мальчиков, становится заметным расстройство из-за выпадения отцовского образа. За исключением крестьянской и ремесленной среды, мальчик в наши дни почти не видит отца за работой, и еще реже приходится ему помогать в этой работе, осознавая при этом впечатляющее превосходство взрослого мужчины. Далее в современной малой семье отсутствует ранговая структура, при которой, в первоначальных условиях "старик" мог вну-

шать уважение. Пятилетний мальчик, конечно, не в состоянии непосредственно оценить превосходство своего сорокалетнего отца, но ему импонирует сила десятилетнего брата, он понимает почтение, оказываемое этим братом старшему, пятнадцатилетнему, и эмоционально приходит к правильным выводам, видя, как уважает отца этот старший , уже достаточно умный, чтобы признавать его духовное превосходство.

Признание рангового превосходства не препятствует любви. Каждый может припомнить, что в детстве он любил людей, на которых смотрел снизу вверх и которым безусловно повиновался, не меньше, а больше, чем равных или низших по рангу. Я до сих пор уверен, что к моему рано умершему другу Эммануилу Ларошу, который будучи на четыре года старше меня, осуществлял в качестве бесспорного главаря справедливую, но строгую власть в нашей дикой шайке ребят, возрастом с десяти до шестнадцати лет, я не просто испытывал уважение и старался заслужить его признание смелыми поступками, но, как и сейчас ясно помню, я его любил. Чувство это было, несомненно, того же свойства, как те, какие я испытывал впоследствии к некоторым весьма почитаемым старшим друзьям и учителям. Одно из величайших преступлений псевдодемократической доктрины состоит в том, что она изображает естественный ранговый порядок между двумя людьми как фрустрирующее препятствие для любых теплых чувств: без рангового порядка не может существовать даже самая естественная форма человеческой любви, соединяющая в нормальных условиях членов семьи; в результате воспитания по пресловутому принципу "NON-FRUSTRATION" x/ тысячи детей были превращены в несчастных невротиков.

Как я уже объяснил в упомянутых работах, в группе без рангового порядка ребенок оказывается в крайне неестественном положении. Поскольку он не может подавить

---

x/ "Без фрустраций" /англ./ Имеется в виду популярная в США в 20-30-ых годах система воспитания; по этой системе полагалось избегать любых ситуаций, способных вызвать у детей ощущение подавленности, вынужденного сдерживания эмоций.

свое собственное, инстинктивно программированное стремление к высокому рангу и, разумеется, тиранит не оказывающих сопротивление родителей, ему навязывается роль лидера группы, в которой ему очень плохо. Без поддержки сильного "начальника" он чувствует себя беззащитным перед внешним миром, всегда враждебным, потому что "не фрустрированных" детей нигде не любят. И когда он в понятном раздражении пытается бросить родителям вызов, "просит ремня" x/, как это прекрасно говорится на баварско-австрийском диалекте, он, вместо инстинктивно ожидаемой ему обратной агрессии, на которую подсознательно надеется, наталкивается на резиновую стену спокойных, псевдо-рассудительных фраз.

Но человек никогда не отождествляет себя с порабощенным и слабым; никто не позволит такому наставнику предписывать себе нормы поведения, и уж, конечно, никто не признает за культурными ценностями то, что он почитает. Усвоить себе культурную традицию другого человека можно лишь тогда, когда любишь его до глубины души и при этом ощущаешь его превосходство. И вот устрашающее большинство молодых людей вырастает теперь без такого "образа отца". Физический отец часто не годится, а нынешнее массовое производство в школах и университетах не дает его заменить уважаемому учителю.

К этим часто этологическим основаниям, по которым отвергается родительская культура, у многих мыслящих молодых людей прибавляются и подлинно этические. В нашей современной западной культуре, с ее скученностью, с ее опустошением природы, с ее слепотой к ценностям и бегом наперегонки с самим собой в погоне за деньгами, с ее ужасным обеднением чувств и отупением под действием индоктринирования, во всем этом и вправду так много такого, что не заслуживает поддержки, что слишком легко забыть о глубокой истине и мудрости, заключенной также и в нашей культуре. Со всевозможными "establishment" молодежь действительно имеет убедительные и разумные причины

---

x/ Буквально: "Выпрашивает оплеуху".

вести борьбу. Очень трудно, однако, уяснить себе, какую долю среди бунтующих молодых людей - в том числе и студентов- составляют те, кто в самом деле действует по этим мотивам. То, что действительно происходит при публичных столкновениях, очевидным образом вызывается совсем иными, подсознательно этологическими побуждениями, среди которых этническая ненависть стоит, безусловно, на первом месте. Вдумчивые молодые люди, действующие по разумным мотивам, меньше прибегают к насилию; поэтому внешняя картина бунта представляет по преимуществу симптомы невротической регрессии [1]; более разумные молодые люди из-за ложно понятой лояльности явно оказываются не в состоянии отмежеваться от поведения толпы. Из дискуссий со студентами я вынес впечатление, что доля разумных не так мала, как можно было бы заключить по внешней картине бунта.

В этих размышлениях не следует, впрочем, забывать, что разумные соображения - гораздо более слабое побуждение, чем элементарная, первичная сила инстинктивной агрессии, стоящая за ними в действительности. Тем более нельзя забывать о последствиях такого полного отвержения родительской традиции для самой молодежи. Последствия эти могут стать гибельными. В течение фазы "физиологической неофилии" созревающий молодой человек одержим неодолимым влечением примкнуть к некоторой этнической группе, и прежде всего, принять участие в ее коллективной агрессии. Влечение это столь же сильно, как и всякое другое филогенетически программированное побуждение, столь же могущественно, как голод и половое влечение. И точно так же, как другие инстинкты, вдумчивый подход и процессы обучения позволяют в лучшем случае фиксировать его на определенном объекте, но никогда нельзя полностью подчинить его и тем более подавить. Когда это с виду

---

[1] Регрессией называется поведение, соответствующее более ранней стадии развития индивида и возобновляющееся при эмоциональном потрясении.

удается, возникает опасность невроза.

Как уже было сказано, "нормальный" процесс на этой стадии онтогенеза, т.е. имеющий смысл для сохранения культуры как системы, следует усматривать в том, что молодые люди некоторой этнической группы объединяются в служении новым идеалам и предпринимают, соответственно этому, существенные реформы традиционных норм поведения, не выбрасывая при этом за борт все достояния родительской культуры в целом. Таким образом, молодой человек отождествляет себя с молодой группой старой культуры. Глубочайшая сущность человека, как культурного по своей природе существа, позволяет ему найти вполне удовлетворительное отождествление лишь в культуре и с культурой. И если рассмотренные выше препятствия отнимают у него такую возможность, то он удовлетворяет свое влечение к отождествлению и групповой принадлежности точно так же, как это происходит с неудовлетворенным половым влечением, т.е. с помощью заменяющего объекта. Исследователи инстинктов давно уже знают, с какой неразборчивостью подавленные влечения находят себе выход, выбирая самые неподходящие объекты, какие нередко находит жаждущая групповой принадлежности молодежь. Хуже всего - не принадлежать вообще ни к какой группе; лучше уж стать членом самой прискорбной из всех, группы наркоманов. Как показал специалист в этой области Арнстид Эссер, именно влечение к групповой принадлежности, наряду со скукой, о которой была речь в пятой главе, служит главной причиной, толкающей к наркотикам все большее число молодых людей.

Где нет группы, к которой можно примкнуть, всегда имеется возможность устроить себе "по мере надобности" новую группу. Преступные и полупреступные шайки янцов, вроде тех, которые так удачно изображены в пользующемся заслуженной известностью мюзикле "Вестсайдская история", представляют в прямо-таки схематической простоте филогенетическую программу этнической группы, но, увы, без унаследованной культуры, свойственной естественно возникшим,

не патологическим группам. Как показано в этом мюзикле, две шайки часто образуются одновременно, с единственной целью служить друг другу подходящими объектами коллективной агрессии. Типичным примером могут служить, если они еще существуют, английские "Роко" и "Моде". Эти агрессивные двойные группы все же, пожалуй, более сносны, чем, скажем, гамбургские "рокеры", сделавшие своей жизненной задачей избиение беззащитных стариков.

Эмоциональное возбуждение тормозит разумное действие гипоталамус [x] блокирует кору. Ни к какой самой извращенной эмоции это не относится в такой степени, как к коллективной, этнической ненависти, которую мы слишком хорошо знаем под именем национальной. Надо понять, что ненависть молодого поколения к старшим имеет тот же источник. Ненависть действует хуже, чем всеобщая глухота или слепота, потому что она извращает и обращает в противоположность все, что видят и слышат. Что бы вы ни сказали бунтующей молодежи, чтобы помешать разрушить ее собственное важнейшее достояние, можно предвидеть, что вас обвинят в ухищрениях поддержать ненавистный "establishment". Ненависть не только ослепляет и оглушает, но и невероятно оглупляет. Тем, кто ненавидит, трудно оказать благодеяние, в котором они нуждаются. Трудно доказать им, что возникшее в ходе культурного развития так же незаменимо и так же достойно благоговения, как возникшее в истории вида, трудно внушить, что культура может угаснуть, как пламя свечи.

---

x/ Область мозга, регулирующая деятельность желез внутренней секреции.

IX. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ *

Если сравнить угрозу атомного оружия с воздействиями на человечество семи других смертных грехов, то трудно не прийти к заключению, что из всех восьми этого греха избежать легче всего. Конечно, дурак или нераспознанный психопат может пробраться к пусковой кнопке; конечно, обычный инцидент на стороне противника может быть ошибочно принят за нападение и вызвать чудовищное несчастье. Но можно, по крайней мере, ясно и определенно сказать, что надо делать против "бомбы": надо ее попросту не изготовлять или не сбрасывать. При невероятной коллективной глупости человечества добиться этого довольно трудно. Однако, что касается других опасностей, то даже те, кто их ясно видит, не знают, что против них предпринять. В отношении атомной бомбы я настроен более оптимистически, чем относительно других семи смертных грехов.

Величайший вред, который ядерная угроза уже сейчас причиняет человечеству и который остается даже в самом благоприятном случае, состоит в том, что оно создает общее "настроение конца света". Проявления безответственного и инфантильного стремления к немедленному удовлетворению примитивных желаний и сопровождающая их неспособность к ответственности за сколько-нибудь отдаленное будущее - все это, несомненно, связано с тем, что в основе всех решений подсознательно лежит жуткий вопрос, как долго еще простоит наш мир.

---

* ОПУЩЕНА ГЛАВА VIII

X. Р Е З Ю М Е

Мы рассмотрели восемь различных, но тесно связанных причинными отношениями процессов, угрожающих гибелью не только нашей нынешней культуре, но и всему человечеству как виду.

Это следующие процессы:

1) Перенаселение Земли, вынуждающее каждого из нас защищаться от избыточных социальных контактов, отгораживаясь от них некоторым, в сущности, "нечеловеческим" способом и, сверх того, непосредственно возбуждающее агрессивность вследствии скученности множества индивидов в тесном пространстве.

2) Опустошение естественного жизненного пространства, не только разрушающее внешнюю природную среду, в которой мы живем, но убивающее в самом человеке всякое благоговение перед красотой и величием открытого ему творения.

3) Бег человечества наперегонки с самим собой, подстегивающий гибельное для нас, все ускоряющееся развитие технологии, делающий людей слепыми ко всем подлинным ценностям и не оставляющий им времени для подлинно человеческой деятельности - размышления.

4) Исчезновение всех сильных чувств и аффектов вследствие изнеженности. Развитие техники и фармакологии порождает возрастающую нетерпимость ко всему, что вызывает неудовольствие по малейшему поводу. Тем самым исчезает способность человека переживать радость, которая дается лишь ценой напряженных усилий при преодолении препятствий. Приливы страдания и радости, сменяющие друг друга по воле природы, спадают, превращаясь в мелкую зыбь невыразимой скуки.

5) Генетическое вырождение. В современной цивилизации нет никаких факторов кроме "естественного правового чувства" и ряда уцелевших правовых традиций, которые могли бы производить селекционное давление в пользу раз-

вития и сохранения норм общественного поведения, тем более необходимых, чем больше общество растет. Нельзя исключить, что многие проявления инфантильности, делающие из значительных групп нынешней "бунтующей молодежи" общественных паразитов, могут быть обусловлены генетически.

6) Разрыв с традицией. Он наступает, когда достигается критическая точка, за которой младшему поколению больше не удается достигать взаимопонимания со старшим, не говоря уже о культурном отождествлении с ним. Поэтому молодежь обращается со старшими, как с чужой этнической группой, выражая им свою национальную ненависть. Это нарушение отождествления имеет своей главной причиной недостаточный контакт между родителями и детьми, вызывающий патологические последствия уже у грудных младенцев.

7) Возрастающая индоктринируемость человечества. Увеличение числа людей, принадлежащих одной и той же культурной группе, вместе с усовершенствованием технических средств воздействия на общественное мнение, приводит к такой унификации взглядов, какой до сих пор не знала история. Сверх того, внушающее действие доктрины возрастает с массой твердо убежденных в ней последователей, быть может, даже в геометрической прогрессии. Уже и сейчас во многих местах индивид, сознательно уклоняющийся от воздействия средств массовой информации- например, телевидения,- рассматривается как патологический субъект. Эффекты, уничтожающие индивидуальность, приветствуются всеми, кто хочет манипулировать большими массами людей. Зондирование общественного мнения, рекламная техника и искусно направляемая мода помогают крупным капиталистам и чиновникам держать массы в своей власти.

8) Ядерное оружие навлекает на человечество опасность, но ее легче избежать, чем описанных выше опасностей от семи других процессов.

Явлениям обесчеловечения, рассмотренным в первых семи главах, содействует псевдодемократическая доктрина,

согласно которой общественное мнение и моральное поведение человека определяется не устройством его нервной системы и органов чувств, выработанных историей вида, но складывается в течение его онтогенеза исключительно под действием "кондиционирования" той или иной культурной средой.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Больк Л., Проблема возникновения человека. Вена, 1926.

Кемпбелл Д.Т., Сравнение признаков как основа перифери-ческого познания. - В кн.: К.Р. Хаммонд, Психология Эгона Брунсвика. Нью-Йорк, Холт, Рейнхарт и Уинстон, 1966.

Карсон Р., Безмолвная весна. Бостон, Хоутон Мифлин, 1962

Крик Ф., О молекулах и людях. Сиэтл, Изд-во Университета Штата Вашингтон, 1966.

Эриксон Э., Онтогенез ритуализма у человека. - Философс-кие Труды Королевского Общества, Лондон, 251В, 1966, 337-349.

_____, Понимание и ответственность. Нью-Йорк, Нор-тон, 1964.

Ган К., Ухищрения совести. В кн.: Воспитание и политика, к восьмидесятилетию Минны Шехт. Франкфурт, "Общественная жизнь", 1960.

Гартман Н., Строение реального мира. Берлин, Де Грейтер, 1964.

Гейнрот О., Исследование по биологии, преимущественно по этологии и психологии анатидов. Труды У-го Международного Орнитологического Конгресса, Берлин, 1910.

Гольст Э.Ф., О процессе центральной нервной координации. Пфлюгеровский архив, 236, 1935, 149-158.

_____, О дуализме моторной и автоматически-ритми-ческой функции спинного мозга и о природе автоматического ритма. - Пфлюгеровский архив, 237, 1936, 3.

Хаксли О., Новый прекрасный мир. Лондон, Чатто и Уиндес, 1932.

Лейвер Дж., Костюм как средство социальной агрессии. - В кн.: Естественная история агрессии, под ред. Дж.Д.Карти и Ф.Дж.Эблинга, Лондон и Нью-Йорк, Академик Пресс, 1964.

Лейгаузен П., О функции относительной иерархии установок, на примере филогенетического развития ловли добычи у хищ-ников. - Психология животных, 22, 1965, 412-494.

Лоренц К., Психология и история вида. - В кн.: Г.Геберер /ред./, Эволюция организмов, Вена, Фишер, 1954.

Лоренц К., Так называемое зло. К естественной истории агрессии. Вена, Борота-Шелер, 1963.
_____, Эволюция и модификация поведения. Изд-во Чикагского университета, 1965.
_____, Инстинктивные основы человеческой культуры. Естествознание, 54, 1967, 377-388.
_____, Врожденные основы обучения. Изд-во Гарвардского университета, 1969.
Кениг О., Культура и исследование поведения. Введение в этологию культуры. Мюнхен, Немецкое изд-во Книг Карманного формата, 1970.
Мичерлих А., Общество без отцов. Мюнхен, Пипер, 1963.
Монтегю М.Ф., Человек и агрессия. Нью-Йорк, изд-во Оксфордского университета, 1968.
Поппер К.Р., Логика научного открытия. Нью-Йорк, Харпер и Роу, 1959.
Вульцер Г., Прогрессирующее одомашнение человека и его неврозы, Мюнхен, Леман, 1964.
_____, Принцип действия в психотерапии. Штутгарт, Энке, 1971.
Симпсон Дж.Г., Кризис в биологии. - Американский ученый, 56, 1967, 368-377.
Спитс Р.А., Первый год жизни. Нью-Йорк, Международное Университетское Изд-во, 1965.
Вейс П.А., Живая система: расслоенный детерминизм. - В кн.: Артур Кестлер и Смайтис, По ту сторону редукционизма. Лондон, Хатчисон, 1969.
Уайли Ф., Магическое животное. Нью-Йорк, Далбэй, 1968.
Уинн-Эдвардс В.К., Расселение животных в связи с социальным поведением. Лондон, Оливер и Бойд, 1962.